МИХАЭЛЬ ФОН АЛЬБРЕХТ
О ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

[DE SIMIA HEIDELBERGENSI
MICHAEL VON ALBRECHT]

СОВРЕМЕННАЯ ЛАТЫНЬ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ К КУРСУ ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ФИЯИР МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Издательство Московского университета

МИХАЭЛЬ ФОН АЛЬБРЕХТ

О ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

СОВРЕМЕННАЯ ЛАТЫНЬ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ К КУРСУ
«ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»
ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

MICHAEL VON ALBRECHT

DE SIMIA HEIDELBERGENSI

Liber ad usum discentium Linguam Latinam
hodiernam denuo editus

Appendix ad Praecepta
linguae humanitatisque Latinae

Ordinis professorum qui linguas peregrinas
et qui regionum proprietates explorant
in Studiorum Universitate Mosquensi Lomonosoviana

Издательство
Московского университета
2013

УДК 811.34
ББК 81.2 Лат-923
А 56

Общая редакция: Михаэль фон Альбрехт
Составитель: *Е.С. Федорова*
Переводы: *Н.А. Федоров*
Эскиз обложки: *А.Н. Федоров*

Михаэль фон Альбрехт

А 56 О гейдельбергской обезьяне. Современная латынь: Учебное пособие. Приложение к курсу «Латинский язык и культура» факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова: М.: Издательство Московского университета, 2013.— 128 с.
ISBN 978-5-211-06505-5

Учебное пособие «О гейдельбергской обезьяне» представляет коммуникативный аспект в изучении латыни, направлено на повышение мотивации в изучении древних языков, активизации лексики, практического усвоения грамматических особенностей латинского языка. Открывает бытование на рубеже XX—XXI вв. *современной латыни — Lingua Latina hodierna*, до сих пор неучитываемой в методических рекомендациях. Предназначено для вузовских курсов «Латинский язык и культура».

Michael von Albrecht

De simia Heidelbergensi. Liber ad usum discentium Linguam Latinam hodiernam denuo editus. Appendix ad praecepta «Linguae humanitatisque Latinae» Ordinis professorum qui linguas peregrinas et regionum proprietates explorant in Studiorum Universitate Mosquensi Lomonosoviana

ISBN 978-5-211-06505-5

Е.С. Федорова *E.S. Fedorova*

МИХАЭЛЬ ФОН АЛЬБРЕХТ И «СОВРЕМЕННАЯ ЛАТЫНЬ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DE MICHAELE VON ALBRECHT ET LINGUA LATINA HODIERNA IN MUNDO HODIERNO

Коммуникативный аспект языков во всем его многообразии — важнейшая часть концепции факультета иностранных языков и регионоведния Московского университета имени М.В. Ломоносова. Латынь входит в программу как обязательная дисциплина в ряду предметов, направленных на расширение культурных и языковедческих горизонтов учащихся. И коль скоро «мертвый» язык в силу своего своеобразия и уникальной судьбы предоставляет и коммуникативную возможность, было бы непростительно этим не воспользоваться. Российская школа преподавания древних языков (впрочем, как и школа новых языков) выделяется во всем мире особенно развитой и детализированной методикой анализа текста. Нет необходимости доказывать, что и в этом качестве латынь полезна для студентов, специализирующихся на *не древних языках.* Однако же их знакомство с тем, что латынь, подобно изучаемым ими английскому, немецкому, французскому, итальянскому, испанскому, способна передавать живые ощущения сегодняшнего дня, безусловно, сблизит их с нею. То есть данный сборник, представляющий различные, можно сказать, полярные по тематике, задачам и выражению тексты, рожденные нашими современниками и решающие злободневные проблемы нашей быстротекущей жизни, имеет цель прежде всего методическую, учебную. Мы хотим ввести этот компонент в изучении латыни для повышения мотивации обучения и как эффективный способ усвоения актуальной лексики: устойчивых словосочетаний, языковых клише. Пассивный способ усвоения древних языков, как было уже сказано, с гимназиче-

ских времен конца XIX – начала XX века был и остается на превосходном уровне. Каким важным подспорьем здесь мог бы оказаться и активный элемент усвоения языка теми нашими студентами, которые, как правило, с детства протории этот определенный — активный — путь в мир новых языков! Вопросы и ответы, злободневные темы и лексика, обозначающая реалии современного мира, насыщение такими элементами курса «Латинский язык и культура» — это *дополнительный аспект* к отечественной апробированной методике. Сборник составлен именно с указанными целями.

Общеизвестно, что после падения Западной римской империи латинский язык оставался коммуникативным средством и в Средние века, и в эпоху Возрождения, и в Новое время, и в каких-то элементах именно в этом своем качестве жив и по сей день. Но нужно дать возможность студенту *представить себе* эту удивительную способность латинского языка, *ощутить* ее на уровне *реальных текстов*, т.е. *буквально, а не умозрительно.* И культурологически следует осознать, что на протяжении веков, обслуживая значительные и весомые сферы общественной жизни, латынь оставалась важным фактором, продолжающим скреплять все общеевропейское культурное пространство. Менее известно, что и в России, например, в первые этапы существования крупных университетов в начале XIX века преподавание всех предметов велось на латыни. Приведем только один любопытный факт. Когда известный литературовед Ираклий Андроников, человек ученый и эрудированный, захотел познакомиться с отзывами о студенте Михаиле Лермонтове и получил в архиве Московского университета характеристики молодого поэта, он не смог сразу разобраться. Ибо оказалось, что и вся так называемая «учебная документация» велась в то время на латыни. Латынь столь прочно врастала в ассоциативное поле отечественной культуры, была столь обыденным школьным предметом, что уже не удивительно: на рубеже веков, в последние перед революцией десятилетия так называемого Серебряного века видные литераторы виртуозно владели ею, ведь латынь изучалась в течение пяти лет в гимназии, и сверх того — в течение последующих пяти лет на любом гуманитарном факультете всякого университета России (включая

и юридический). Так, поэт-символист Вячеслав Иванов не только написал диссертацию о латинском языке — но и на латинском языке.

Невероятное органическое и поэтическое присутствие латыни наряду и вместе с самыми естественными явлениями детства передавали разные поэты Belle Époque. Так, мы бы дерзнули сказать, печаль по «аромату» латыни среди других, присущих русскому детству «ароматов», блестяще передает поэт Серебряного века Дон-Аминадо (Аминад Шполянский)[1]:

> Забыть ли сияющих дней ореол,
> Когда мы твердили в угаре,
> *Единственный в мире латинский глагол*[2]:
> *Amare, amare, amare...*
> А ветер, который пришел из пустынь,
> Сердца приучая к смиренью,
> Не только развеял *сирень и латынь*,
> Но молодость вместе с сиренью.

Здесь латынь — одна из двух равноправных компонент метафоры, призванной передать благоухающее возрождение природы, начал и соков жизни. Чувствительное признание в любви к латыни Дон-Аминадо тем более ценно, что его, как известно, никогда не покидал ни скепсис, ни здравый смысл, не искажая воспоминания детства излишним сентиментализмом. Его память сохранила и наказания за проделки: гимназисты организовали вооруженный отряд, призванный бороться с англичанами за свободу буров. Наказание последовало на той самой «благоуханной латыни»: «В течение двух недель, во время большой перемены, когда вся гимназия играла в чехарду и уплетала бутерброды с чайной колбасой, мы, защитники угнетённых народов, должны

[1] Вот об уровне всеобщего изучения древних языков юношеством в российской провинции в канун XX века: «В 1897 году девятилетний Аминад был принят в подготовительный класс Елисаветградской мужской гимназии. Интересный факт: 40% учебного времени отводилось на изучение древних языков. *На экзамене по латыни ученик без подготовки должен был перевести с латыни на греческий любой отрывок произведения*» (*Хосяинова Лариса*). Зачитывалась «Поездом...» // «Молодіжне перехрестя», 22.05.2008 [курсив мой. — *Е.Ф.*].

[2] Здесь и далее в цитатах курсив автора Предисловия.

были исписывать страницу за страницей, повторяя одну и ту же фразу, придуманную самим Федором Ивановичем Прокешем, директором гимназии, добродушным чехом в синем вицмундире и благоуханных бакенбардах: — *Ego sum asinus magnus.* [Я большой осел.] Надо сказать правду, пережили мы эту первую мировую несправедливость довольно быстро и духом не упали»[3].

Или в чеканной, скупой прозе Михаила Булгакова латынь навечно впаяна в воспоминания детства — так же, как и у Дон-Аминадо — наряду со свежестью зеленеющей весны: «Серый день, серый день, серый день, *ут консекутивум*, *Кай Юлий Цезарь*, кол по космографии и вечная ненависть к астрономии со дня этого кола. Но зато и весна, весна и грохот в залах, гимназистки в зеленых передниках на бульваре, каштаны и май, и, главное, вечный маяк впереди – университет, значит, жизнь свободная, – понимаете ли вы, что значит университет?..» («Белая гвардия»). У этих двух авторов латынь связана с тоской по красоте ушедшей культуры и стройности утерянных традиций образования.

И вот у Дон-Аминадо мы находим точную и прямую реплику по поводу роли классического образования в России и его уничтожения: «А какой таинственный смысл был в словах и сочетаниях, в именах авторов, в названиях книг и учебников! — ... Алгебра Киселёва. Физика Краевича. Латинская грамматика Ходобая. А Записки Цезаря о Галльской войне, с предисловием Поспишиля! А Метаморфозы Овидия Назона, в обработке для детей и юношества, под редакцией Авенариуса! Энеида. Одиссея. Илиада. А словари и подстрочники к Вергилию и Гомеру! И все это не так, на воздух, на фу-фу, а с допущения цензурой и с одобрения учёного Комитета при Святейшем Правительствующем Синоде. Что и говорить, крепкая была постройка, основательная... А вот, поди же ты!

Пришел ветер с пустыни, и развеял в прах»[4].

Чехов, с его сарказмом и критическим восприятием жизни, еще внутри культурной традиции преподавания древних языков в России видит все ее теневые стороны и нелепо-

---

[3] *Дон-Аминадо* (*Шполянский А.П.*). Поезд на третьем пути. — М.: Вагриус, 2006. С. 9.

[4] Там же. С. 8.

сти, но ведь он тоже свидетельствует о неразрывной связи русского *детского и юношеского обихода* с латынью: «Увы! Иногда и я чувствую себя в смешном положении бегущего кота. Подобно котенку, в свое время я имел честь учиться у дядюшки латинскому языку. Теперь, когда мне приходится видеть какое-нибудь произведение классической древности, то вместо того, чтоб жадно восторгаться, я начинаю вспоминать *ut consecutivum*, неправильные глаголы, желто-серое лицо дядюшки, *ablativus absolutus*... бледнею, волосы мои становятся дыбом, и, подобно коту, я ударяюсь в постыдное бегство» («Кто виноват»).

Тип придаточного латинского предложения, называемого *ut consecutivum*, не давал Чехову покоя: в самом изображении юности с ее шалостями есть место и латыни: «Юношество. Тебе еще рано водку пить! *Скажите о последовательности времен*! Рано, рано, молодой человек! В ваши лета я еще ничего такого не знал! Ты еще боишься при отце курить? Ах, какой срам! Тебе кланялась Ниночка! *Возьмемте Юлия Цезаря! Здесь ut consecutivum*? Ах, душка! Оставьте, барин, а то я... папеньке скажу!» («Юность»). Или вот такой трагический философский пассаж: «Тут в акцизе служит некто Козырев. Он учился со мной, его уволили из пятого класса гимназии за то, что никак не мог понять *ut consecutivum*. Теперь он ужасно бедствует, болен, и я, когда встречаюсь, то говорю ему: «Здравствуй, *ut consecutivum*» — Да, говорит, именно *consecutivum*... а сам кашляет. А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею даже Станислава второй степени и сам теперь преподаю другим это *ut consecutivum*. Конечно, я умный человек, умнее очень многих, но счастье не в этом...» («Три сестры»).

В России традиция преподавания древних языков была жестоко прервана революцией, но ведь и начала возрождаться при первой возможности, которая появилась уже в конце 40-х годов XX столетия. А коммуникативный, игровой элемент занял большое место в преподавании на кафедре классической филологии филологического факультета Московского университета с середины 70-х, когда Николаем Алексеевичем Федоровым ставились целые спектакли на латинском языке, причем в живом, современном стиле мюзиклов («Дульциций» Гротсвиты Гандерсгеймской, «Вакхи-

ды» Плавта, наконец, литературно-фольклорная композиция «Свадьба», включавшая произведения многих латинских поэтов). Помимо того, в 1986—1987 гг. Н.А. Федоров вел семинар по разговорной латыни, восстановив таким образом утраченную, было, навсегда традицию. И укрепился этот путь постижения латыни в опытах гимназического преподавания у А.В. Подосинова (написанные им изящные сказки «Красная шапочка», «Кот в сапогах» и другие по сей день востребованы не только в учебном процессе школьников, но и у студентов университетов)[5]. В ту же эпоху был переведен на русский язык польский учебник Лидии Винничук, блистательно демонстрирующий все выгоды игрового подхода к латыни и содержащий всевозможные сценки, загадки, шарады и прочее.

Повторим, сейчас в России вновь стали обращать внимание на возможность продуцировать тексты на латинском языке. Привычно и полезно пассивное овладение латинским языком, анализ древних текстов, их интерпретация. Но латинский язык предоставляет возможности и его активным овладением. Безусловно, для нас главная цель такой репродукции — наиболее полное усвоение латинского языка, погружение в его глубины. Однако трудно игнорировать тот факт, что для многих серьезных гуманитариев на всем европейском пространстве идея коммуникации на латинском языке кажется и сегодня чрезвычайно привлекательной. Ведь в Европе традиция преподавания латинского языка и применения разных методов его усвоения никогда не прерывалась.

Несколько десятилетий назад серьезные ученые мужи разных профессий (не только филологи и даже не только гуманитарии) объединились в Международную академию латинистики по той единственной причине, что испытывают неодолимую потребность общаться на латинском языке. На латыни публикуется не один десяток журналов, повествующих не только об античности, но и о событиях современного мира (среди них Vox Latina, Melissa и другие). Известно, что на латынь переведены такие художественные произве-

[5] Еще в годы своего студенчества Г.А. Казаков открыл клуб «Мир латинского языка» (ФИЯиР, 2006), привлекший и учащихся других факультетов, и вообще любителей латыни со всей столицы.

дения, пользующиеся массовым спросом, как «Винни-Пух» или «Шерлок Холмс».

Наконец, в Финляндии существует радиоволна, по которой ежедневные новости передаются по-латыни. А журнал для детского дошкольного возраста «Iuvenis» («Ребенок») на латыни имеет подписчиков в 37 странах, среди которых не только Франция, Бельгия, Дания, но и Болгария, Чехия, Словения, Украина, Гон-Конг, Южная Африка и Уругвай[6].

Существует несколько школ коммуникативной латыни, методики которых всерьез соперничают между собой, что отрадно, поскольку там, где есть борьба мнений и подлинный накал страстей, совершается серьезное дело. Важнейшей школой является школа Луиджи Миральи, которая располагается в Риме. Его метод базируется на длительном *погружении* в мир коммуникативной латыни, каждодневное круглосуточное общение на этом языке в стенах школы, именуемой Новый Виварий, не только в аудиторные часы, но в повседневных, свойственных каждому человеку естественных занятиях (завтрак и обед, экскурсии и театр, прогулки и споры, чтение стихов и игра на музыкальных инструментах), и использует учебник, рассчитанный на долгий срок изучения или, по крайней мере, на обильное количество аудиторных часов в неделю[7]. В общем, процесс обучения происходит почти так, как происходил он, освященный российской традицией, в среде русского дворянства, когда ребенок постигал иностранный язык, круглые сутки находясь в непосредственном общении с гувернанткой-иностранкой. Этот простой метод давал весьма значительные успехи.

Более прагматична школа разговорной латыни, созданная немецкими филологами, но и она в своей, мы бы сказали, противоположной методике достигла высоких результатов. Предполагая, что гимназисты и студенты основное учебное время уделяют чтению, анализу и комментарию

---

[6] NB: В этом году названная серия продолжает свои публикации под именем «Adulescens».

[7] Используется целая серия учебников разной степени сложности, созданных датским ученым Гансом Орбергом. Изданная впервые в середине XX века серия недавно переиздана итальянской Академией Вивариум Новум: *Hans Henning Ørberg*. LINGVA LATINA per se illustrata. Academia Vivarium Novum. Montella, 1997, 2001, 2003.

традиционной классической латыни, авторы отводят время и для коммуникативного аспекта — это обыкновенно летние школы разговорной латыни, работа и удовольствие вместе. Следовательно, весь круг актуальных тем окружающего мира нужно уложить в строго ограниченное количество отведенных часов. Это с большим успехом и методически выверенно удается авторам учебника «Перец и Соль» (в самом названии «*Piper Salve*» — игра слов, которую так любили и древние римляне: можно прочитать и так, как было указано, а можно и «Здравствуй, Перец!»). В простоте идеи построения учебника — и его главное открытие: оказывается, и учебник по-латыни можно выстроить как учебник любого живого языка — латынь ответит адекватно. Ведь давно выработана в латинском языке и попала в словари лексика, обозначающая наисовременнейшие понятия (кстати, здесь мы можем привести и Латинский словарь современных реалий, созданный Сигрид Альберт, и организованный по тематическому принципу, содержащий легко запоминающиеся и забавные картинки, изображающие эти реалии[8]). Учебник содержит темы, которые являются неотъемлемой частью любого учебника иностранного живого языка: погода и путешествия, еда и одежда, спорт и музыка, театр и календарь, обозначение времени и написание писем. В уроке содержатся интересные диалоги, которые включают две необходимые компоненты: разговорные клише и лексемы, обозначающие жизненно важные понятия (телефон *telephonum*, железнодорожные билеты *tesserae ferriviariae*, компьютер *computatrum*, купальник *vestis balnearis*, холодильник *refrigeratorium*, гладить утюгом *levigare*, автомобиль *autocinetum*, ванная комната *balneum*, магнитофон *cassetophonum*, номер гостиницы *cubiculum diversorii*, будильник *suscitabulum*, телевизор *televisorium*, зубная паста *dentifricium* и проч.). Ныне на латыни существуют даже такие слова, как ленинградец *Leninopolitanus* и петербуржец *Petropolitanus*!

Для того чтобы показать обширность диапазона и потенциал коммуникативной латыни сегодня, мы намеренно коснемся фрагментов недавно созданных латинских текстов,

---

[8] *Sigrides Albert.* Imaginum vocabularium Latinum. Saraviponti (Saarbrücken), 1998.

полярных по жанру, содержанию, тематике и их адресатам. Чтобы наши студенты могли представить себе текст, адаптированный для младшего возраста, предлагаем познакомиться с журналом «*Iuvenis*»(«Ребенок»): здесь даются «уютные» для детей младшего возраста тексты о домашних животных *animalia domestica*, с соответствующей лексикой: «*Кошка* очень умное животное... Если она *мурлычит*, значит, чувствует себя хорошо... Если она *мяучит*, что-то у нее не в порядке» *Cattus* est animal valde ingeniosum... Si *susurrat*, bene se habet... Si *maumat*, aliquid non bene se habet[a] [9]. А для подростков — то, что большинство из них захватывает, — музыкальные группы *greges musici*, мегаполисы *megapoles*, автодромы *autodromi*, небоскребы *caeliscalpia* и пр. Замечательна метода здесь же объяснять неологизмы и окказионализмы через латинскую лексику. Подача материала соответствует стилистике и дизайну молодежных журналов: например, популярный вопросник (любимая актриса, увлечения); в то же время тексты имеют отчетливо гуманистическую и воспитательную направленность[b]. Даже из этих небольших отрывков детской новолатинской периодики очевидно: латынь не только может, но *и уже* доказала способность служить современным запросам молодежи. Для поступающих в высшее учебное заведение достаточно познакомиться со статьями из «Буклета для поступающих» Луиджи Миральи. Думается, нельзя забывать, что в России всего четыре поколения назад такого рода тексты были доступны любому абитуриенту[c]. Трудно представить более убедительное доказательство для возможностей латыни отражать сиюминутные реалии, самою действительность, чем «Требования для поступающих» *Quomodo discipuli admittantur*[d]. Для осваивающих латынь среди других предметов высшей школы тщательное изучение диалогов из немецкого учебника «Перец и Соль», в изобилии предлагающих языковые клише, практически позволит поддерживать разговор на злободневные темы. Учебник устроен так, что каждый из параграфов старается отвечать триединой цели: *освоение новой лексики, актуализация тематики*, наконец, *погружение в ситуацию диалога и обмена мнениями*, однако та или иная из задач в разных его

[9] Сноски, отмеченные латинскими буквами, см. в концевых Примечаниях.

частях — в соответствии с конкретикой жизни выходит на первый план. Так, погружение в стихию разговора — главное для раздела Знакомство Salutatio[e], а предметность выходит на первый план в разделе Об одежде *De vestimentis*[f], тематический подход оказывается доминантным в разделе Подготовка к путешествию *Praeparatio itineris*[g]. И наконец, с форматом, приспособленным для массовой интернетной рассылки, нас познакомит новолатинский текст, составленный в жанре официального аннонса: приглашение в летнюю школу латыни (Аменебург, Германия)[h] ...

Однако центральное место в нашей публикации занимает философская сказка виднейшего филолога-классика Михаэля фон Альбрехта «Гейдельбергская обезьяна». Если тексты, о которых говорилось выше, отвечая прагматическим учебным целям, написаны нетрудным для чтения и понимания языком, то «Гейдельбергская обезьяна», хоть и повествует о событиях сегодняшних (в сказочной, символической форме), однако написана на настоящей, ученой и философской латыни. «Фабула» снабжена и научным комментарием, преподносящим, в соответствии с жанром, необходимые ученые пояснения с известной долей юмора. Имитируется также средневековая, восходящая к римской, традиция давать наряду с латинским греческое название главам.

Таким образом, предложенные в данной публикации тексты как бы обозначают путь постижения «современной латыни» — от начальной ступени до высокой в языковом отношении позиции.

Жанр сказки уникален, он и бесконечно шутлив, и бесконечно серьезен. На первый взгляд нехитрый сюжет: известный персонаж «Метаморфоз» Апулея, уже давно отошедший в иной, блаженный мир и наслаждающийся жизнью за пределами физического существования, все же не может отказаться от наблюдения за жизнью живых. И ее несовершенства, угрожающие, как полагает герой, свободе современного человека, заставляют его вновь отправиться в мир, на этот раз в облике обезьяны. Его принимают за необычного в стиле одежды и поведения иностранца, что позволяет ему включиться в события и постараться изменить их в пользу благоприятного будущего человечества. Задуманное с успехом осуществляется.

На самом деле сказка — шкатулка с разными секретами. Казалось бы, мысли не сложно сформулированы, просты для понимания, но за ними — глубокие культурные переживания, длительные экскурсы в мир иных культур, напрягающие и оттачивающие воображение, т.е. за этой простотой — пространный культурный *опыт*. Поэтому образы и соображения «Обезьяны» множатся и углубляются этими отражениями и отблесками культур точно так же, как это умел делать в музыке отец автора, Георг фон Альбрехт. Сама ткань текста состоит как бы из лоскутов и часто мельчайших фрагментов, мотивов, образов и, наконец, «застрявших» в истории, ставших популярными языковых оборотов из различных известных литературных текстов (мы кое-где указали на это в примечаниях). Так что «Обезьяну» можно предлагать студентам как тест на эрудицию в области античных авторов или даже как исследовательскую работу по анализу текста и выявлению источников, что бесспорно покажет квалификацию специалиста. Интересен секрет, заложенный в понимание основного персонажа: как мифологический образ обезьяна в западной традиции характеризует такие качества, как глупость, тщеславие, неуравновешенность, любопытство, легкомыслие и болтливость. В каком-то смысле поначалу Обезьяна таковой и предстает перед удивленными современниками. Но другая культурная традиция — восточная — в определенный момент начинает спорить с первоначальным впечатлением. Тут мы должны припомнить, что Михаэль фон Альбрехт не только филолог-классик, но и индолог. Мифологическая обезьяна индийцев божественна, она храбрая и ловкая, она олицетворяет мудрость и самоотверженность (известен, например, отважный воин, индийский обезьяний бог Хануман). К тому же — «как известно читателям Платона — в древнем Египте обезьяна — бог грамотности и науки», — напоминает Альбрехт. Эти качества исподволь разворачиваются, восточная традиция прорастает сквозь западную, Обезьяна из нелепого иностранца превращается в Обезьяну-Освободителя.

С одной стороны, в сказке отражены реалии «текущего дня гейдельбергской жизни», она немножко ad hoc, и в этом ее дополнительная польза с точки зрения функционирования «современной латыни». Но с другой стороны, символи-

ка сказки представляет важнейшие вопросы сегодняшнего дня человечества: экология, справедливое устройство общества, порабощение человека техникой. Эти вопросы столь важны для автора, что ему, взрослому человеку, трудно было бы прямолинейно признаться в детской боли за человечество — и он одевает свои вполне трезвые и реалистические мысли в одежды сказочной утопии.

Но вот удивительно, «детские прозрения» Альбрехта с течением времени находят серьезные подтверждения. В сказке поднимается такая остросоциальная проблема, как офисные работники. Подмастерья офисной жизни, сами не замечая того, превращаются в полных рабов машин и механистического образа жизни. Комфорт и удобства, предоставляемые техникой, не дают им заметить, как постепенно разрушается их дух, а отсюда — и самая структура личности.

Двадцать лет назад, когда осуществилось первое немецкое издание «Обезьяны» (1989 в книге: Scripta Latina, а сочинена сказка в августе 1987 г., когда еще никто не мог представить себе события 1989 г.), Альбрехт заговорил языком сказки об угрозе «офисного вируса», и только сейчас средства массовой информации подхватили тревогу психологов, которые предупреждают об опасности так называемого *офисного планктона*. Появился термин. Появилось определение: «Офисный планктон — работники умственного труда с пониженной творческой составляющей, проводящие жизнь в офисах». Планктон (греч. πλαγκτον — блуждающие) — разнородные, мелкие организмы, бактерии, водоросли и пр., свободно перемещающиеся в воде и неспособные сопротивляться течению...

Пафос ложной учености претит хорошему вкусу Альбрехта, ученый начисто лишен презрения к обыденной жизни и ее проблемам (ведь такого рода презрение некоторых мнящих себя учеными, но на деле лишь прикоснувшихся к миру мысли, — следствие слабости натуры и неглубоких личных корней культуры). Он не дорого ценит замкнутость в элитарной ученой среде, но всегда стремится созерцать и сочувствовать миру людей, вовсе не искушенных в науке. Наряду со сложным, обремененным многими знаниями видением устройства общественной жизни человечества он

сохранил в себе драгоценную способность к наивным впечатлениям бытия: благодаря этому не иссякает свежесть его творчества.

Альбрехт не только серьезный ученый, он еще и мечтатель, и гуманист. Детская, непосредственная часть его натуры является и главным двигателем его науки, ведь без непосредственности, как известно, талантливых ученых не бывает. Но она требует и отдельного «творческого выхода». Тогда абсолютно логичным и прозрачным оказывается прием: сокровенные мечты и печали о человечестве запрятать в ученую латынь, однако же не лишенную юмора, и высказать в сказочной аллегорической форме. Он, например, уверен, что человечество «будет меньше ссориться», избрав языком международной коммуникации латынь (что, как мы убедились, возможно, если исходить из самой природы и истории этого языка).

Как знать, нет ли и в этом сказочном предположении реалистичности? Упомянем здесь и не менее серьезного филолога-классика и мыслителя Вячеслава Иванова, который в античных мистериях, модернизированных в русском обществе, всерьез видел будущее спасение человечества.

В итоге, каковы же главные мысли сказки?

— Мир незаметно для самого себя дегуманизируется чрезмерным засилием техники, она оказывается обязательным посредником в общении людей. А люди, таким образом, порабощаются ею так, что это становится препятствием для непосредственного человеческого общения.

— Латынь, несущая в себе весь мир гуманитарных открытий античности, может и должна быть источником и инструментом непосредственной человеческой коммуникации. Владеющие этим языком имеют ключ к великой культуре, объединяющей европейское человечество и являющейся его «детством», которое, как известно, неисчерпаемо в воспоминаниях и к которому человечество испытывает потребность обращаться и переосмыслять всякий раз на пороге больших перемен и великих событий.

— Наука может процветать только в среде смелых, радостно относящихся ко всем проявлениям жизни; и засыхает, коль забывают об этом ее носители, — засыхают и носители, становятся бесплодными. Для проф. Михаэля фон Альбрехта эти простые, ясные мысли наполнены чрезвычайной важностью. Скажем по-другому: эти мысли для него столь важны, что он захотел их выразить в самом простом, ясном, кристально детском стилистическом выражении.

— Наука сродни детским играм, детским полетам фантазии, — вот что хотелось бы передать Альбрехту-ученому следующим поколениям. Эта простая мысль бездонна, но и очевидна, однако очевидность склонна ускользать в перегруженном сложностями современном мире...

Итак,

Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога[1].

Мы приносим огромную благодарность Михаилу Георгиевичу фон Альбрехту за предоставленный текст и вместе с ним посвящаем это русское издание профессору Светлане Григорьевне Тер-Минасовой, неизменному патрону наших научных начинаний.

---

[1] *Александр Блок.*

Nunc, quae est huius fabulae summa?

— Effrenato invictoque technologiae progressu fit, ut genus humanum sensum humanitatis amittat, cum illis machinis paene summum arbitrium commercii hominum datum sit. Homines autem ab illis in servitutem redacti vera inter se societate atque communione carent.

— Attamen lingua Latina, quae antiquitus vinculum humanitatis fuerit, hodieque fons instrumentumque verae hominum societatis atque communionis esse potest. Haec est, ut ita dicam, clavis ad praestantissimum cultum humanum obtinendum, omnes Europae homines consociantem. Quam quasi «pueritiam» dum recordamur, vires nostrae mirifice augentur, quibus instructi gravissimos quoque rerum eventus vincere et superare poterimus.

— Doctrinae autem studia nisi inter audaces et laetos et alacres in omnibus vitae rebus homines florere non possunt. Arescunt autem sterilia que fiunt, si obliviscimur ludum et lusum artissimo vinculo inter se esse coniunctos. Nonne enim litterae confines consimilesque sunt puerorum ludis, puerilique volatu phantasiae? Quod quamvis verum atque simplex atque evidens est, in hodierno mundo, tot tantisque difficultatibus obruto, magis magisque oblivioni traditur.

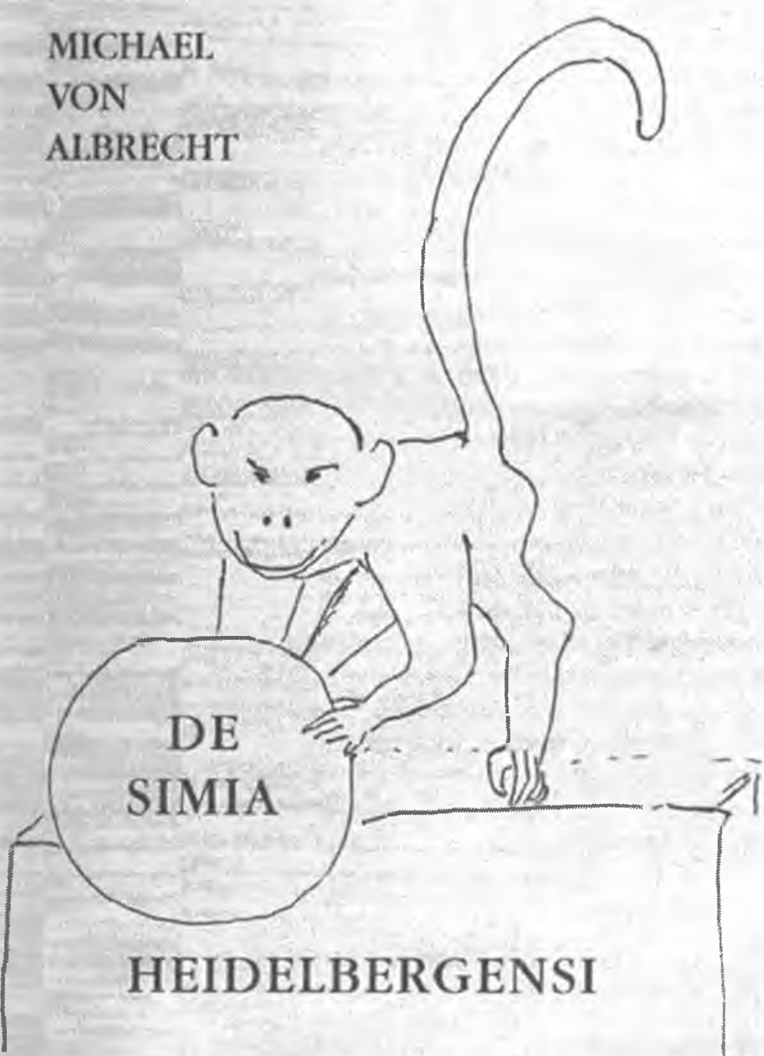
— Professori autem Michaeli von Albrecht illae simplices et clarae cogitationes tam seriae gravesque ei videntur, ut eas exprimere velit sententia simplicissima, clara liquida et vere puerile, sed non sine ironia quadam socratica...

Itaque,

Fiat mens ista severa,
Simplex et candida, ut via.

Gratias quam maximas Michaeli filio Georgii von Albrecht pro libro ejus, nobis sub prelum dando benigne praebito atque una cum eo editionem hanc rossicam dedicamus profestrici Svetlanae Grigorii filiae Ter-Minasovae, assiduae fidelissimaeque patronae omnium nostrorum operum scientificorum.

MICHAEL VON ALBRECHT

DE SIMIA HEIDELBERGENSI

L. Simii Liberatoris Commentarii
quos e codice Sandhusiensi edidit
ARIDUS GRAMMATICUS
HEIDELBERGENSIS

Imagines pinxit HENRICUS COLONIENSIS

HOS LIBROS VALAHFRIDO
D. D. D. ARIDUS

О гейдельбергской обезьяне

Записки Л.[i] Обезьяны-Освободителя, которые изданы в соответствии с зандхаузенской[ii] рукописью Аридом Грамматиком Гейдельбергским[iii]

Иллюстрации выполнены
Генрихом Кельнским Громбейном*

Это сочинение Арид посвящает[iv] Валафриду[v]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто не видывал изображения обезьяны, запечатленной у самого входа на старинный гейдельбергский мост? Однако история Обезьяны-Освободителя в течение многих веков оставалась неизвестной. Только теперь, читатель, тебе будет дозволено познать ее. Ты узнаешь, что обезьяна — животное не только ученое, которое, как полагали египтяне, изобрело буквы, но и глубоко дружественное роду человеческому. Ведь она отличилась как помощница древних героев, а также и в нынешние времена (и свидетели этих событий Феликс и Кандида) стремится обучить латинскому весь род человеческий и — что самое существенное — призвать его к миру и гуманизму. Сосредоточься, читатель: ты получишь удовольствие.

К тому же, это издание снабжено приложением, которое поясняет некоторые высказывания и обстоятельства.

PRAEFATIO

Simiae effigiem in ipso Pontis antiqui Heidelbergensis aditu positam quis non novit? Historia tamen Simii liberatoris per multa saecula ignota fuit. Nunc demum, lector, eam cognoscere tibi licet.Videbis autem simiam animal esse non solum doctum, a quo Aegyptii inventas esse putaverint litteras, sed etiam humanae genti amicissimum. Nam non solum antiquorum heroum adiutor exstitit, sed etiam nostri temporis adulescentes — cuius rei testes Felix et Candida — Latine docere et — id quod maximum est — universum genus humanum ad pacem huma- nitatemque revocare vult. Lector intende: laetaberis.

Ceterum haec editio appendice instructa est, qua nonnullae voces et res explicantur.

ATTICUS
SIMIO
S.

КНИГА I

Почему я стал обезьяной?
Она же родовспомогательная*

LIBER I

Cur simius factus sim
qui et μαιευτικός*

Л.* ОБЕЗЬЯНА-ОСВОБОДИТЕЛЬ ПРИВЕТСТВУЕТ АТТИКА*

Я много и долго раздумывал, мой Аттик, стоит ли тратить усилия, чтобы рассказать события моей жизни; недавно же я понял, что пришло время ОБЕЗЬЯНЕ-ОСВОБОДИТЕЛЮ, как единодушно называют меня все люди и прочие живые существа, чтобы, по примеру Юлия Цезаря, приступить к Запискам[vi].

Ведь вся Земля разделена на три части*, из коих одна смотрит на запад, другая на восток, третья на юг. Первую населяют те, которые считают себя несчастнейшими, остальным же кажутся счастливейшими, вторую — те, которые на их собственном языке именуются счастливыми, на нашем же — называются бедняками, а третью — те, которые и называются и на самом деле — бедняки. Из чего проистекает, что иные люди могут быть счастливы, если познали те блага, которыми они обладают, некоторые счастливы, никаких благ не видя, но веруя в то, что будут, иные могут быть счастливы только в том случае, если им помогут другие. Сначала мне их стало жалко, а потом и совестно, что я живу так счастливо.

Может быть, ты загоришься желанием узнать, как я все это понял, тем более что я с тобою вот уж столько веков, свободный от всех земных забот, проживаю на Островах блаженных* — нет, даже в междумириях*? Я точно не солгу: ведь в той «древесной домовине» (я говорю о стене, сооруженной из досок, которая не дает нам отвлекаться от блаженной жизни, созерцая дела смертных), когда глаз стал различать в ее скреплениях щель, я начал с любопытством рассматривать земной шар и с величайшим удовольствием оказался во власти того же порока, от которого в свое время пострадал Луций*[vii].

L.*SIMIUS LIBERATOR ATTICO* S

Diu multumque dubitavi, mi Attice, facturusne operae pretium essem, si memoriam vitae meae proderem; nuper vero cunctis hominum ceterorumque animalium suffragiis SIMIUS LIBERATOR consalutatus adesse tempus, quo Iulii Caesaris exemplo commentarios scriberem, sensi.

Est igitur Terra omnis divisa in partes tres, quarum una ad occidentem, alia ad orientem, tertia ad meridiem spectat. Ac primam quidem incolunt, qui sibi miserrimi, ceteris beatissimi videntur esse, secundam, qui ipsorum lingua beati, nostra pauperes appellantur, tertiam qui appellantur suntque pauperrimi. Quo fit, ut homines partim beati esse possint, sua si norint bona, partim beati sint, dum videntes nihil cuncta credant, partim nequaquam beati esse possint, nisi a ceteris adiuventur. Quorum primo me miseritum est, vitae deinde puduit beatissimae.

Haec omnia quomodo perspexerim, fortasse scire cupis, praesertim cum tecum iam per tot saecula ab omnibus mortalium curis liber in beatorum insulis* — immo intermundiis* — vixerim? Plane non mentiar: Nam in illo «muro ligneo» (e tabulis factum parietem dico, quo beati gregarii prohibemur, ne rerum mortalium aspectu a vita beata avocemur) nodo atque foramine invento oculoque admoto inspicere orbem terrarum curiosius coepi, libentissime in idem vitium revolutus, quo olim Lucius* laboraveram.

Уверяю тебя: эта маленькая щель — начало и причина глобальных явлений, которые изменили весь облик земли до такой степени, что иногда мне кажется, что я вижу сон. Ведь если бы я вновь не стал зрителем, мне никогда бы не пришло в голову вернуться на сцену.

Не правда ли, достаточно было один раз оказаться ослом, покорным мельникам, навьюченным поклажей, тянущим по кругу жернова[viii].

Однако не было недостатка в голосах, убеждающих, чтобы я удовлетворился тем, что ускользнул от жизни[1] в ту смерть, которая зовется блаженной жизнью: для меня в таком скоплении философов, населяющих острова блаженных, состояло высшее сокровище мудрости.

Первым из них на мой вопрос, возвращаться ли мне на землю или нет, ответил с легкой усмешкой Эпикур: «*Ты с ума сошел!*»* И ничего более. Об этих словах я долго раздумывал, особенно после того, как я вернулся обратно на землю.

А затем я помню, как кто-то из стоиков, то ли Клеанф, то ли Зенон, со следующими словами ожесточенно набросился на меня: «Ты хочешь вернуться на землю? Если бы ради дела, а не для удовольствия!» Я не очень хорошо понял, что это значит, потому что знал: для меня исполнение долга является высшим наслаждением. Однако, в конце концов, меня стала жестоко жалить совесть.

Но даже эти угрожающие последствия не удержали меня от того, чтобы вернуться на землю[2]. Я стал размышлять о том, какой телесный облик мне принять. Ибо в прошлой жизни — то, что, я полагаю, ты слышал и от меня, и от Апулея, — я сначала был ослом, а потом стал человеком. И я вновь возвращался к вопросу, какой же все-таки облик мне принять для того, чтобы достигнуть лучшего результата.

---

[1] В этом месте Обезьяна предпочла скорее подчиниться своему внутреннему желанию, чем повелевать ему. Дети, пожалуйста, не подражайте подобному стилю! ПРОФ. АРИД. — Наоборот, я предпочел бы здесь подражать Плавту, Овидию, Апулею, Августину, Каппуччини. ОБЕЗЬЯНА. — Каппуччини в библиотеке я не нашел, предполагаю, что это классический автор обезьян. ПРОФ. АРИД.

[2] См. предыдущую сноску.

Quod parvulum foramen maximarum rerum, quibus terrae facies tota mutata est — usque eo, ut nonnumquam somniare mihi videar, originem atque fontem fuisse contendo. Nam si spectator denuo factus non essem, numquam in mentem venisset in scaenam mihi reverti.

Nonne igitur satis erat semel asinum fuisse — pistoribus obnoxium, clitellas portantem, molas circumagentem?

Atqui non defuerant monentium voces, ut morte ea, quae beata dicitur vita, contentus vitam vitarem[1]: in tanta enim philosophorum turba beatorum insulas incolentium maxima mihi consilii fuit copia.

Quorum primus Epicurus quaerenti mihi, rediremne in terram necne, leniter arridens *μαίνηι** respondit. Et hactenus. Quod oraculum diu animo volutavi — praesertim postquam in terram reverti.

Deinceps Stoicorum quendam — Cleanthemne Zenonemne? — talibus acerrime in me recordor invectum: "Terramne adire vis? Utinam officii causa, non voluptatis" Qui quid sibi vellet, parum intellexi, cum mihi ipsum officium summae voluptati esse sentirem. Quo tamen, ut valde morderer conscientia, factum est.

Sed ne his quidem minis obeunda de terra deterritus[2] cum animo meo perpendebam, quanam corporis figura atque specie uterer. Nam priore vita — id quod ex me vel ex Apuleio audisse te puto — primo asinus, tum homo factus, quanam figura indutus maiores rerum eventus viderim, saepe dubitavi.

---

[1] Hoc loco simius ingenio suo indulgere quam imperare maluit; quod scribendi genus imitari nolite, pueri! PROF. ARIDUS. — Immo hoc loco Plauti, Ovidi, Apulei, Augustini, Cappuccini simia exstiti. SIMIUS. — Cappuccinum in bibliotheca non inveni; simiarum scriptorum classicum esse suspicor. PROF. ARIDUS.

[2] Vide adnotationem priorem.

И вот я обратился к последователям Платона и Пифагора, поскольку они были опытнее других в такого рода делах. При входе в их фронтистерий (так они называют дом, где занимаются диалектикой и прочими науками) привратник Порфирий встретил меня не слишком любезной бранью: «Что тебе надо, о ты, не знающий *геометрии*[ix]?»* В испуге я отвечаю ему: «Скажи мне, Порфирий, величайший из привратников учености, величайший ученый из привратников, в каком облике мне возродиться, по-твоему? В человеческом или зверином?» А он: «Доколе, негоднейший из ослов, ты будешь позволять святость человеческого духа осквернять животным телом? Разве ты не помнишь, что ты человек? Разве еще раньше я не доказал тебе множеством причин необходимость того, чтобы люди воплощались вновь в человеческом облике?»

Мне, однако же, это не представлялось ни необходимым, ни желанным, так как жизнь осла, хотя она и была для меня очень обременительной, казалось, дала мне в изобилии множество даров и преимуществ судьбы, тогда как жизнь жреца Исиды полна и добродетелями, но и тошнотворной скукой. Поэтому я попросил Порфирия, чтобы он предоставил мне возможность поговорить с самим Платоном. А он, покачав головой, отложил мой визит на полгода, и эта отсрочка по сравнению с вечностью показалась бы мне совершенно незначительной, если бы я не пылал страстным желанием вернуться на землю.

Наконец, настал день, когда я смог задать тот же вопрос самому Платону. Он же внимательно рассматривал меня ясными (и, как мне показалось, чуть подслеповатыми) глазами. А затем с легкой усмешкой он пробормотал: «На это, *дитя мое**, можно ответить только *диалектически**». Так слушай же (и действительно, мне нужно было напрячь все силы, чтобы слышать, что он про себя бормочет): «Что более всего похоже на человека?», — и пока я размышляю о том, что он хочет услышать, он сам отвечает: «Очевидно, обезьяна».

Igitur Platonis Pythagoraeque familiam adii, utpote qui talium rerum essent peritissimi. Quorum phrontisterii (sic enim eam domum appellant, in qua dialecticam ceterasque artes exercent) in aditu me ianitor Porphyrius parum comi latratu excepit et: «Quid tibi vis, ait, *ἀγεωμήτρητε*?»* Cui ego perterritus: «Dic mihi, Porphyri, doctorum ianitor maxime, doctor maxime ianitorum, quali forma renasci me iubeas? Humanane an ferina?» At ille: «Quo usque, asinorum improbissime, humani animi sanctitatem ferino contaminari corpore patieris? Numquamne te hominem esse memineris? Nonne ego necesse esse, ut homines humana specie renascerentur, iam pridem causis plurimis comprobavi?»

Quod mihi quidem neque necessarium neque optabile videbatur, cum asini vitam, quae mihi quamquam durissima, omnibus tamen praemiis donisque fortunae referta visa esset, cum vita sacerdotis Isiaci plena et virtutis et taedii compararem. Ergo a Porphyrio petivi, ut mihi cum ipso Platone colloquendi copia daretur. At ille caput quassans me in mensem distulit sextum; quae mora ad aeternitatem visa esset mihi brevissima, si non acerrima redeundi cupiditate flagrassem.

Tandem dies aderat, quo idem ex Platone ipso quaerere mihi licuit. Qui me oculis clarissimis (et, ut mihi videbatur, nonnihil myopibus) etiam atque etiam perlustravit. Tum demum leniter cavillans: «Ad haec», susurravit «*ὦ τέκνον*»*, responderi non potest nisi «*διαλεκτικῶς*»*. Ausculta igitur (et erat mihi quantum poteram auscultandum, quid secum murmuraret): «Quid hominis simillimum?» Dum dubito, quid audire velit, ipse respondet: «Simia, videlicet».

На это я, как это делается в платоновских диалогах, говорю: *«Да, правильно»**. Тогда он: «А что менее всего похоже на человека?» И не заботясь о том, что я скажу, сам ответил: «Человек».

Поскольку он не прибавил более ни одного слова, я поспешно ушел и, проведя в ожидании еще шесть месяцев, наконец, решил, что я сделаюсь обезьяной.

Но при подготовке ко всякому путешествию необходимо также позаботиться и о том, что касается практической жизни. Поскольку это менее всего относится к греческим философам, я обратился к римским, среди которых ты, мой Аттик, величайший помощник своим друзьям, вместе с другом твоим Цицероном, занимаешь в Элизии главное место. Когда я сказал тебе о своем желании, ты у меня ни о чем не спросил и не пытался задержать меня, но по-дружески дал мне полный монет кошель, правильно предположив, что римские монеты, причем, весьма добротные, охотнейшим образом принимаются во всем мире.

В полезности этого кошелька я убедился сразу же, когда привратник попытался принудить меня выпить воды из Леты. Ибо он, получив всего лишь несколько ассов, разрешил мне переправиться через реку, сохранив память и о прошлом, и знание латинского языка, который я в течение почти двадцати столетий, сначала под руководством[3] Цицерона, затем Эразма, а потом и Негельсбаха[x], взлелеял с величайшей любовью.

Мне оставалось только побывать на острове Кирки, которая всех, кто приезжал к ней туда, заставляла отведать напитка, превращавшего в свиней, подобно тому как это случилось со спутниками Одиссея.

А она, когда я сказал ей, что хочу стать обезьяной, сжалившись над моей судьбой, преподнесла мне лишь

[3] Обрати внимание на легкомыслие обезьяны, которая за столько веков и имея таких учителей столь малому научилась. ПРОФ. АРИД. — Однако я не нашел латинскую грамматику профессора Аридуса, которая называется БЕСПЛОДНАЯ КОРМИЛИЦА, в библиотеке Блаженных, но я слышал, что ее все изучают в Подземном царстве и в Чистилище. ОБЕЗЬЯНА.

Ad quae ego Platonicorum more dialogorum: «ναί»*. Tum ille: «Quid homini dissimillimum?» Neque curans, quid dicerem, ipse respondit: «Homo».

Qui cum ne verbum quidem faceret amplius, suspenso gradu abii iterumque sex menses cunctatus tandem animum induxi, ut simius fierem.

Sed in omni itinere praeparando etiam ea, quae ad institutionem vitae communis spectant, curanda sunt. Quae cum minime ad Graecorum philosophos pertinerent, Romanos adii, quorum tu, mi Attice, summe amicorum adiutor, cum Cicerone tuo praecipuum locum tenes Elysii. Tibi cum, quid vellem, dixissem, neque quicquam ex me quaesivisti neque moras rei inferre temptasti, sed marsuppium bene nummatum amicus amico dedisti recte auspicatus fore, ut Romanorum nummi, iique optimae notae, ubique terrarum acciperentur libentissime.

Cuius marsuppii utilitatem statim expertus sum, cum a portitore cogerer, ut Lethes de fluvio biberem. Nam idem paucissimis assibus acceptis ut transirem mihi permisit, salva et ceterarum rerum memoria et linguae Latinae, quam per viginti paene saecula summo cum amore — primo Cicerone, deinde Erasmo, tum Naegelsbachio docentibus[3] — foveram.

Restabat, ut insulam adirem Circae, a qua omnes, qui illuc adveniunt, coguntur, ut potione potata — exemplo sodalium Ulixis — sues fiant.

Quae, cum me simium fieri velle dixissem, miserata fortunam meam et poculi dimidium mihi remisit (ut mens saltem

---

[3] Vide Simii vanitatem, qui et tot saeculis et ex tantis doctoribus tam pauca didicerit. PROF. ARIDUS. — Equidem Professoris ARIDI Grammaticam Latinam, quae ARIDA NUTRIX inscribitur, in beatorum bibliotheca non inveni; sed audivi eam apud Inferos et in Purgatorio ab omnibus perdisci. SIMIUS.

половину кубка (чтобы у меня, по крайней мере, сохранился человеческий разум) и в подарок дала мне одежду, которая, по ее словам, была оставлена каким-то гостем. К тому же эта весьма любезная дама остроумно прибавила, что мне необходима одежда для того, чтобы считаться человеком.

Итак, я проснулся в Риме перед собором святого Петра, с шапкой на голове и одетый в кожаные штаны, подобно баварцам.

mihi maneret humana) et vestimenta dono dedit, quae ab hospite quodam relicta esse dicebat. Ad quae muliercula illa haud inurbana haec addidit: vestimentis opus esse, ut esse homo putarer.

Ita factum est, ut Romae ante S. Petri basilicam expergiscerer, pileatus et bracis e corio factis indutus more Bavarico.

GUIDA
LATINE LOQVOR

КНИГА II

О таинствах современного Рима,
заводящая героя в тупик*

LIBER II

De Romae hodiernae mysteriis
qui et ἀπορητικός*

Я только начал наслаждаться тенью прекраснейшей колоннады огромного портика и сладостной прохладой фонтана, когда услышал какие-то удивительные звуки, напоминающие пляску сатиров и нимф. Когда я пристально стал искать, где они, то увидал некоего юношу, несшего четырехугольный ящичек, из которого каким-то чудом, как мне казалось, исходят эти музыкальные звуки. Но хотя раздавались звуки множества голосов, я не видел никого, кроме юноши, к тому же молчащего. Я решил, что это происходит потому, что, приобретя земное тело, я не могу теперь видеть сатиров и нимф.

Все более прислушиваясь к этим звукам, я все менее мог себя сдерживать. И не смог удержаться от того, чтобы тело обезьяны, по природе склонное к подражанию всему, чему угодно, не стало бы двигаться в ритме музыки. Сердце билось, тело вертелось, пальцы мелькали. И вот я уже начал плясать и в вихре двигаться по кругу.

Вот теперь толпа подняла на смех эту обезьяну,
которая вскоре будет зрителем, а позже и судьей.

Наконец, будучи вынужден остановиться и прийти в себя, я увидел, что окружен большой толпой аплодирующих мне и бросающих мне деньги, которые молодой человек собирал с большим удовольствием.

Решив, что это Пан, который явился смертным, я пошел за ним, прокладывающим путь через толпу, как за богом, по какой-то длинной и прямой улице, которая, как мне казалось, была сооружена неким весьма неудачным подражателем Божественного Августа. И вот в тот момент, когда я любовался своим богом, он неожиданно попытался набросить на меня петлю. Но с помощью большого прыжка я счастливо избежал плена, в высшей степени чуждого свободе обезьян и ненавистного им.

Modo sub maximae porticus pulcherrimis columnis umbra atque fontis amoenissimi frigore recreabar, cum mirum quendam sonitum audivi, Satyrorum instar Nympharumque saltantium. Qui ubi essent, mihi miranti acriusque inspicienti adulescens se obtulit, cistulam quadratam portans, ex qua miraculo quodam modi illi musici prodire mihi videbantur. Sed quamquam magna multitudo cantantium audiebatur, neminem praeter adulescentem vidi, eumque taciturnum. Quod eo fieri arbitrabar, quod terreno corpore indutus Satyros Nymphasque videre non possem.

Sonis autem magis magisque intentus minus ac minus mihi temperavi, quin corpus simii ad omnia imitanda natura propensum ad numeros moverem: palpitabat cor, convellebantur membra, micabant digiti. Iamque saltare coeperam, iam turbinis instar gyros variabam:

Nunc magno populo ridetur simius iste,
spectator qui mox et modo censor erit.

Tandem respirandi necessitate coactus cum ad me rediissem, vidi me circumdari magna frequentia plaudentium nummosque iacientium, quos laetissimus exciperet adulescens.

Pana eum igitur esse arbitratus, qui mortalium in conspectum venisset, sicuti deum sequebar per multitudinem iter sibi parantem, longa quadam via directissimaque, cuius aedificia a tristissimo quodam Divi Augusti imitatore putaverim exstructa. Dumque adoro deum meum, necopinanti mihi inicere laqueum temptat. Quam rem simiae libertati maxime contrariam et odiosam magno saltu facto feliciter fugi.

Однако мне трудно сказать, где я очутился. Потому что я увидел себя сидящим на спине страшного и огромного чудовища, которое бежало с большой скоростью.

Когда я незаметно стал рассматривать его бока, чтобы понять, кто это, слон или носорог, то с удивлением увидел, что у него нет ног, а вместо них — четыре колеса. Я бы сказал, что это колесница, если бы видел какую-нибудь лошадь, но вместо этого мне слышался ужасный рев. Из чего я легко догадался, что в передней части колесницы, покрытой металлическим листом, скрываются тигры и львы, а что я, по божественной воле, спасен Великой Матерью или Триптолемом[xi], который, облетая на небесной колеснице море, небо и земли, учит все народы жить цивилизованно.

Тем не менее, когда мой железный слон остановился, я чуть не упал. Причина этой остановки была очевидна, ибо перед носом носорога или, если угодно, перед носом моего «корабля» некто, облаченный в темные одежды, стоял на коленях. Я сразу же понял, что это жрец, молящийся моему Триптолему. Однако этот самый бог не стал далее скрываться, но, открыв окошечко с левой стороны корабля, просунул кудрявую голову. И обрушил брань на жреца, посчитав, что тот сильно провинился перед ним. Затем же, спокойно протянув руку, он поднял его с колен, как это обычно бывает в мистериях.

Тогда, наконец, я увидал лицо жреца: оно — и так уже молочного цвета — от страха было белее молока. И пожалев его от всей души, я не удержался и задней левой ногой погладив его щеку, сказал ласково: «Не расстраивайся!» [Sis bono animo!] А он, думая, что я произнес свое имя, ответил: «*Дон Витале*». А я, страстно желая поговорить, предложил: «Давай поговорим по-латыни». А тот — вопросительно: «*Lattino? Latte?*" *Niente Latte? Caffe!*»[xii]. И только. Взяв меня под руку, он притащил в ближайший дом, а мой автомедонт, с грубой руганью, сопровождаемый страшной вонью и грохотом, уехал. Однако мне бы не хотелось думать, что это был Триптолем.

Sed quem in locum delatus sim, difficile dictu est. Nam tergo immanis et vastae beluae insidere mihi videbar, quae celerrime curreret.

Cuius cum latera clam inspicerem, ut cognoscerem, essetne elephantus an rhinoceros, valde miratus sum ei pedes esse nullos, rotas quattuor. Vehiculum ergo esse dixissem, si equum ullum vidissem; rugitus tamen terribilis audiebatur. Ex quo facillima coniectura collegi sub fronte lamina ferrea contecta tigres leonesve latitare; me autem divinitus a Matre Magna vel a Triptolemo esse servatum, qui mare caelum terras caelesti curru pervolans omnes gentes vitae usum cultiorem doceret.

Subito tamen subsistente ferreo meo elephanto paene decidi. Cuius morae fuit causa manifesta: Nam ante rhinocerotis nasum — seu mavis vehiculi rostrum mei — vir quidam atra veste indutus genibus nitebatur. Quem et sacerdotem esse et Triptolemo meo supplicare statim intellexeram. Neque deus ille se diutius abscondidit, sed sinistra navigii parte fenestella quadam aperta caput cirratum extulit. Tum summa severitate in sacerdotem maximae culpae sibi conscium invectus est. Mox tamen manu clementer exserta illum erexit, sicuti in mysteriis saepe fieri solet.

Tum demum vidi sacerdotuli faciem — sic quoque lacteam — terrore etiam pallidiorem lacte factam, et ex animo miserescens non potui, quin manu posteriore sinistra genam eius permulcens dicerem blande: «Sis bono animo». Qui hoc mihi esse nomen ratus civiliter: «*Don Vitale*» respondit. At ego colloquendi cupidissimus: «Utamur sermone Latino». Qui quaerenti similis: «*Lattino? Latte?** *Niente latte; caffe!*» Hactenus, et me bracchio arreptum secum in aedificium proximum traxit. At Automedon meus ad extrema convicia delapsus summo cum foetore atque crepitu abiit — tamen Triptolemum fuisse eum nolim.

Только освоившись с темнотой, я увидел в помещении множество людей, сидящих и внимательно и благоговейно смотрящих в некий ящик, из которого исходил дрожащий свет. Пристально вглядевшись в ящик, я увидел там небольшую группу бегающих людей, гоняющих какой-то шар. К своему удивлению, я увлекся зрелищем, поскольку и вообще был страстным любителем изучения всяческих обрядов и церемоний. Впрочем, мне было ясно, что этот шар не что иное, как образ вселенной. Но я еще не понял, почему там было две группы по одиннадцать человек и почему они были в разных одеждах. А мой спутник не позволил мне смотреть дальше в этот ящик, но подвел меня к маленькому столику, где уже сидел некий бородатый старик, одетый в шерстяную рясу и сандалии, еще не очень дряхлый, но достаточно крепкий.

Мой спутник, как я мог догадаться по его жестикуляции, начал рассказывать старику, каким образом со мной познакомился, а тот смотрел на нас голубыми глазами из-под насупленных лохматых бровей. А затем юноша произнес старику, пристально смотревшему на меня, то, что считал моим именем: «*синьор** *Sis Buon Animo, американец*». Мне же представил старика как отца Норберта (тот же потихонечку произнес нечто, не предназначенное для моих ушей, возмущаясь «сокращением»: до чего дожили! Сис произносят вместо Сигизмунда!).

Тогда какой-то другой молодой человек, одетый в черное с белым, который, как я предположил, был служителем храма, приглашенный неким таинственным жестом, принес три чашки с ручками, наполненные черным напитком, от которого поднимался сильный пар. Этот напиток сначала показался мне очень горьким, однако ж затем я почувствовал, как взбодрились тело мое и ум, так что я от души радовался, что мои сотрапезники посвятили меня в столь приятный обряд.

Когда они о чем-то говорили между собой, указывая на меня пальцем и с великим сожалением повторяя слова: «*inglese, inglese*»*, — к нашему столику подошел очень обходительный мужчина, на голове которого была шапоч-

Vix ego tenebris assueveram, cum in conclavi multos homines vidi sedentes et cistam quandam, ex qua tremula lux exibat, diligentissime religiosissimeque intuentes. Quam dum accuratius inspicio, in ea pusillum quoddam virorum genus currentium et sphaeram nescio quam sectantium cerno. Hanc ad rem mirifice animus meus conversus est, quippe qui religionum atque omnis generis sacrorum cognoscendorum essem cupidissimus. Ceterum mihi manifestum erat sphaeram illam nihil aliud nisi mundi imaginem esse universi. Sed cur numero bis undeni essent viri, et cur diversis vestibus induti essent, nondum perspexeram, cum comes meus me cistam illam diutius spectare non passus ad mensam me parvulam duxit, ubi iam barbatus quidam veste e pilis facta sandalisque indutus sedebat senex, non tamen decrepita, sed vigoris plena senectute.

Cui sub hirsutissimis superciliis oculis nos caelestibus adspicienti comes meus, quantum e gestu eius colligere poteram, narrare coepit, quomodo in me incidisset. Mox seni me curiosius contuenti adulescens nomen meum dixit, immo vero quod nomen esse meum arbitrabatur: «*Signor' Sis Buonanimo, Americano*», mihi autem ait illum Patrem esse Norbertum (qui, quod audire non debui, occulte brevitati nominis mei ingemuit: «O tempora! «Sis» pro Sigismundo!»).

Tum alius quidam iuvenis veste partim nigra, partim alba indutus, quem hierodulum esse collegeram, mystico quodam nutu advocatus tria pocilla ansata attulit potione quadam nigra repleta, ex qua plurimus exibat vapor. Illa primo quidem haustu valde amara mihi visa est; mox tamen miro quodam vigore corpus atque mentem confirmari mihi sentiebam, usque eo, ut ex animo gauderem, quod convivae mei me tam amoenis sacris initiarent.

Qui dum secreta inter se consilia communicant, digito me monstrantes et magna cum desperatione vocem «*inglese, Inglese*» duplicantes, ad mensam nostram vir quidam summae comitatis accessit, galericulum gerens, in quo scripta erat haec

ка с надписью «Гид». Как только он понял, что мои друзья хотят разговаривать со мной, он с серьезным видом обратился ко мне и, сморщив лицо так, что стал похож на молосскую собаку[xiii], неподвижными губами пробормотал что-то или скорее пролаял, из чего я смог понять лишь несколько слогов: *English*.

Так как я ничего не отвечал на это, выражение лица его сразу же изменилось, глаза заблестели, губы сложились трубочкой, и голосом, напоминающим пенье петуха, он произнес нечто более изящное, последним прозвучало: *Français*.

И поскольку на эту речь я снова ничего не ответил, выражение лица его тотчас же изменилось, выражение глаз приняло поэтический и мечтательный вид, голос стал резким, произношение тягостно медлительным и чрезмерно отчетливым, так что я запомнил каждую отдельную букву: *Sprechen Sie deutsch?**

Когда не оправдались и эти его ожидания, он, приняв важную военную позу, очень строго взглянул на меня и с повелительным выражением лица и невероятной быстротой выдохнул страшное скрипение, последние слоги которого я запомнил: *español*.

Все это мне очень понравилось, отвечая моей природе, — ведь я же обезьяна. И я не мог насытиться тем, сколько может быть изменений у одного лица и голоса. И все это исполнялось с таким совершенством, что я решил: от такого человека и обезьяна может кое-чему научиться.

А тот, напрасно попытавшись использовать еще пять языков, наконец измученный бесконечными усилиями, рухнул в кресло, которое я успел придвинуть ему из сострадания, в то время как мои приятели вытирали платком его лоб и утешали в этом сокрушительном поражении, страшнее которого, как было очевидно, он никогда не испытывал.

Полагая, что я могу его хоть как-нибудь утешить, я, среди глубокого всеобщего молчания, наконец, громким голосом произнес: «А я говорю по-латыни».

vox: GUIDA. Qui simulatque intellexit sodales meos mecum colloqui velle, summa cum gravitate mihi assurrexit vultuque in tot rugas composito, ut canis Molossi similis esset, nullo labrorum motu nescio quid sive murmuravit sive elatravit, cuius ultimarum syllabarum sonus, quas solas omnium dinoscere potui, hic fere fuit: *English.*

Ad quae cum nihil responderem, vultum statim mutavit: Nam micantibus oculis, labris in modum rostri prolatis, voce galli cantum imitatus aliquid elegantioris notae enuntiavit, cuius ultimi soni hi fuerunt: *français.*

Ad quae me denuo nihil respondente statim vultum composuit alium: Oculi fuere sive poetae sive somniantis, vox gravissima, genus pronuntiandi et summae tarditatis et diligentiae molestissimae, usque eo, ut singularum quoque litterarum sim memor: *Sprechen Sie deutsch?**

Hac quoque spe perdita staturam gravitatemque militarem imitatus severissimis me oculis aspexit et dicendi facultate imperatoria usus incredibili quadam celeritate terribilem stridorem emisit, cuius ultimas tantum syllabas memini: *español.*

Quae omnia naturae meae, quippe qui simius essem, valde arridebant, neque satiari potui unius faciei ac vocis tot in alias figuras transitu tamque docte perfecto, ut a tali homine simiam quoque aliquid addiscere posse concederem.

Qui quinque aliis linguis frustra pertemptatis tandem assiduo labore defatigatus in sellam corruit, quam misericordia commotus attuleram, sodalibus meis frontem eius sudario tergentibus eumque acerbissima de clade consolantibus, qua eum numquam graviorem accepisse manifestum erat.

Ad quae etiam me nonnihil solacii afferre posse ratus, tum demum in summo omnium silentio magna voce dixi: «Latine loquor».

Невозможно описать, сколь различно на это реагировали сотрапезники мои, ведь этот мужчина, превосходно владеющий столькими языками, смотрел на меня беспомощно и был потрясен не менее того, как я поразился [его осведомленности в языках] совсем недавно. Юный священник же, немного отодвинув свой стул от моего и осенив себя крестным знамением, прошептал: «*Lefevre, Lefevre*»[xiv]. А старец, вскочив со стула, чуть не задушил меня в своих объятиях.

А затем он выразил свою величайшую радость языком Цицерона: «Долго, мой друг, я ждал того момента, когда смогу доказать на деле моему коллеге, что латинский язык может приносить какую-то пользу. Ведь, как говорит поэт Невий, *в Риме настолько забыли, как говорить на латинском языке*, что, живя среди такого количества римлян, полагаю, что я едва ли не единственный в своей коллегии могу наслаждаться беседой на латинском языке с несколькими студентами-теологами. А вот теперь, наконец, ты, явившись из другого мира, доказал мне своим примером истинность того, во что я всегда верил.

Так вот, совершенно разные народы, которые раньше ничем не были связаны между собой, будут объединяться с помощью латинского языка. Поэтому латинский язык будет очень способствовать всему тому, что тебе, брат мой (это он сказал юному священнику), более всего дорого. Из чего следует также, что тебе, величайший переводчик, не придется изучать десять или двадцать языков, поскольку все будут изучать один язык, и он послужит лучшей связью и для духа, и для мира».

Сказанные от души слова произвели на меня наилучшее впечатление, но не на остальных собеседников, которые поняли либо кое-что, либо вообще ничего.

Когда Норберт объяснил им все на современном языке (похожее наречие я в прошлой жизни слышал от деревенских рабов), этот переводчик с рыданием и плачем все время твердил слова, которые старец мне перевел: «Боюсь, что я останусь без работы».

Difficile dictu est, quam diverse ad haec singuli convivae responderint: nam vir ille linguarum peritissimus me consilii inops neque minus attonitus adspiciebat quam ego illum nuper adspexeram. Sacerdos autem adulescens sellam suam a mea paululum amovit, tum cruce se signans «*Lefevre, Lefevre*» murmuravit. At senex de sella exsiliit et amplexu paene me strangulavit.

Effudit inde animi summam laetitiam oratione Ciceroniana: «Diu, mi amice, exspectavi, dum linguam Latinam aliquam utilitatem habere huic meo collegae rebus demonstrare possem. Nam, ut ait Naevius poeta, *obliti sunt Romai loquier lingua Latina*, usque eo, ut ego tot inter Romanos paene solum esse me putavissem, qui in collegio meo cum nonnullis theologiae studiosis Latinitatem foverem. At nunc demum tu e diverso orbe terrarum venisti et id, quod semper credideram, exemplo mihi comprobasti.

Ergo gentes diversissimae, quibus antea nihil commercii fuerit, inter se Latino sermone sociantur. Quo fit, ut Latinitas ad omnia ea efficienda plurimum conferat, quae tibi, mi frater (hoc dixit sacerdoti adulescenti) maxime cordi sunt. Sequitur etiam, ut tibi, summe interpretum, non iam decem vel viginti linguae sint discendae, cum omnes unam linguam discant, unius animi atque pacis optimum vinculum».

Quae ex animo vereque dicta me valde commoverant, ceteros convivas non ita, quippe qui aut pauca aut nihil intellexissent.

Quibus cum Norbertus sermone vernaculo (cuius similem priore vita e servis audiveram rusticis) omnia explicavisset, interpres ille plurimas cum singultu lacrimas edidit identidem voces quasdam iterans, quas mihi ita explanavit senex: «Vereor, ne expers negotii fiam».

В этот момент мы вздрогнули от страха, поскольку все в один голос закричали: «ГОЛ!»* (что, как я потом узнал, по-немецки звучит как «*Тор*!»[xv]). Впрочем, мне показалось, что обряды этого народца страдают некоторой непоследовательностью, ведь после того как в течение получаса они молча смотрели в этот ящик, вдруг охваченные величайшей радостью закричали, в полном восторге обнимаясь и целуясь друг с другом. От меня не укрылось, что этот взрыв радости ни в коей мере не был результатом надежды говорить по-латыни.

Eodem temporis momento terrore attoniti sumus maximo omnibus una voce conclamantibus «GOAL!»* (quod Germanice «*Tor!*» dici postea didici). Cuius quidem plebeculae religiones atque sacra mihi inconstantia quadam videntur laborare. Nam cum dimidia hora cistam illam observavissent paene taciturni, subito summo gaudio elati conclamaverunt, inter se amplexantes et summa cum exsultatione osculantes. Quod nequaquam spe Latine loquendi factum esse me non fugit.

?!
?!
URGH...

КНИГА III

О живой латыни, каковая еще и о языке любви*

LIBER III

De Latinitate viva qui et ἐρωτικός*

Жизнью в Риме я пресытился скорее, чем предполагал, так что стал тосковать по обширным лесам, в которых мог раскачиваться, перепрыгивая с ветки на ветку. Когда я признался в этом отцу Норберту*, тот сказал мне: «Тебе следует отправиться в Германию, ведь там не только огромные леса, но есть еще и такие места, где говорят по-латыни». Услышав эти слова, я без промедления сел на одну из этих длиннющих гусениц, которые ползут по железным прутьям, протянутым по земле,— то, что греки называют *сидеродромы* [железные дороги]*. Итак, я прибыл в Аугсбург, основанный некогда императором Августом и отмечающий ныне свое двухтысячелетие.

Там меня гостеприимно встретил грамматик Страбон*[xvi], которому отец Норберт передал письмо, посвятил в новый культ богов и приговаривал, что из-за этих вонючих демонов на четырех колесах, которым поклоняются во всем мире, нелепо гибнут леса. Поскольку эти слова были мне весьма по сердцу, как и всем обезьянам, я был очень обрадован тем, что он предложил мне некое новое средство передвижения, которое на нашем языке называется велосипед, а на языке богов — железными конями. И вот, с каждым днем становясь все смелее и привычнее, я или держался за руль велосипеда Страбона, который вез меня по городу, или сидел на заднем сидении, на котором лежал некий груз (мне кажется, это были латинские книжки). Я с удовольствием играл и разговаривал с двумя сыновьями и дочкой Страбона, предполагая, что они положат начало новому поколению людей, говорящих по-латыни. Последние же, в отсутствие отца, учили меня немецкому, который я выучил за полмесяца, во-первых, потому что (как говорит поэт) мы стремимся к запретному и всегда жаждем того, в чем нам отказывают; во-

Sed vitae Romanae citius quam putaveram tenebar satietate simulque magnarum silvarum, in quibus per ramos atque arbores corpus librare possem, desiderio tabescebam. Quod cum Patri Norberto* confessus essem: «Germania igitur, inquit, tibi visitanda est; ibi enim non solum silvae sunt maximae, sed etiam loca nonnulla, in quibus Latine loquuntur». Quo audito ego haud cunctanter unam ex illis longissimis erucis conscendi, quae ferratis per humum viis serpunt — *σιδηροδρόμους** Graeci appellant. Ita Augustam Vindelicorum olim ab imperatore conditam Augusto, tunc natalem diem agentem MM, veni.

Ibi me Strabo* grammaticus, ad quem Pater Norbertus litteras dederat, hospitio exceptum ad novum deorum cultum convertit dicens foetidis illis daemonibus, qui quattuor rotis praediti ubique terrarum adorarentur, effectum esse, ut silvae indigna morte morerentur. Quae cum mihi sicuti omnibus simiis maxime cordi essent, summo gaudio affectus sum, quod mihi aliud quoddam esse genus ostendit vehiculorum, quae nostra lingua birotae, deorum sermone equi ferrei dicerentur. Igitur audacior atque exercitatior in dies aut gubernaculo birotae Strabonis me per urbem vehentis adhaerebam aut sellae posteriori sarcinisque (libros Latine scriptos fuisse reor) insidebam. Libentissime vero cum duobus filiis filiolaque Strabonis ludebamus et loquebamur; hanc enim originem novae gentis Latine loquentium futuram auspicabar. Iidem patre absente me Germanica lingua imbuebant, quam XV diebus perdidici, primum quia (ut ait poeta) nitimur in vetitum semper cupimusque negata, deinde propter illam simiarum velocitatem (quae apud Germanos iam in proverbii consuetudinem venit), tum quia antea linguam Latinam didiceram, quae linguarum discendarum fundamentum optimum est omnium.

вторых, из-за той природной обезьяньей сметливости, которая у немцев вошла в поговорки; и наконец, потому, что я уже ранее познал латинский язык, который является непревзойденной основой для изучения всех языков.

И уже наступал тот радостный день, когда профессор Страбон согласился взять меня с собой в город, чтобы посмотреть комедию, которую на латинском языке будут исполнять студенты-филологи гейдельбергского университета. С трудом сдерживая нетерпение, я так сильно нажимал на велосипедный руль, что Страбон время от времени слегка придерживал меня рукой, дабы я не мешал. Так мы ехали через город, кишащий всякого рода людьми, которые пели латинские песни или плясали. И сами государственные чиновники, отбросив германскую чопорность, пытались лепетать на милой латыни, так что я решил, что вернулся золотой век.

И вот, наконец, вечером я смог усесться в первых рядах театра вместе с детьми Страбона. А когда началось представление комедии, я, забыв обо всем, всей душой отдался Теренцию и тем, кто так прекрасно исполнял свои роли. А когда по окончании спектакля последовал ужин, я попросил их, чтобы они согласились взять меня с труппой в Гейдельберг. Ибо театр представлялся мне неким раем для обезьян. А потом, со слезами на глазах, я распрощался с женой и детьми Страбона и пожелал им всего наилучшего.

Затем я последовал за студенческой труппой, возвращающейся в Гейдельберг; и пока в пути они кормили меня неким индийским плодом, который называется кокос, а также бананами, я рассказал им о своей жизни, и о ней один из гейдельбергцев сочинил прекрасную эпиграмму:

> Для ученика Платона открыты небо, море и земля,
> И ты, кто был ослом, возвращаешься как обезьяна.

На это я ответил стихами, в которых назвал Гейдельберг колыбелью новых поэтов и поэзии:

> Тебе, Гейдельберг, возвращаясь, латинская Муза несет мир
> И с тем — все прекрасное несет, возвращаясь, латинская Муза.

Iamque festissimus dies aderat; quo Professor Strabo mihi permisit, ut secum in urbem venirem comoediamque spectarem, quae Latine a studiosis philologiae Heidelbergensibus ageretur. Quarum rerum morae vix patiens tam impense in birotae gubernaculo artibus me gymnicis dedidi, ut nonnumquam me manu leniter pulsaret, ne nimis se impedirem. Sic per urbem plenam hominum omnium colorum vehebamur, qui carmina Latina cantabant saltabantque laetissimi. Ipsi quoque ii, qui rem publicam gerebant, spreta gravitate Germanica leporis Latini verba temptabant, usque eo, ut prope auream aetatem redisse arbitrarer.

Tandem vespere in theatri primis spectaculis cum Strabonis liberis considere mihi licuit. At ubi comoedia agi coepta est, omnium ceterarum rerum oblitus toto animo me Terentio dedidi et iis, qui tam bene partes agebant suas. Eosdem fabula peracta in convivio exoravi, ut me secum Heidelbergam ire paterentur; nam theatra mihi simiarum videbantur esse paradisus. Inde multis cum lacrimis Straboni uxorique liberisque eius salutem plurimam dixi.

Tum catervam revertentem Heidelbergam secutus sum; quibus dum me in itinere nuce Indica, quae dicitur cocos, et bananis alunt, vitam meam narro, de qua unus e grege Heidelbergensium egregium hoc scripsit epigramma:

Pervia sunt caelum mare terra Platonis alumno:
Qui fueras asinus, simius ecce redis.

Ad quae respondi carmine, quo Heidelbergam novorum poetarum incunabula praedicavi poetriarumque:

Musa Latina redux pacem fert, prospera cuncta,
Heidelberga, tibi, Musa Latina redux.

Говоря о Музе, я, однако, непрестанно думал об одной из тех девиц, что принимали участие в спектакле.

Но едва приблизился я к Гейдельбергу и увидел долину реки Некар, окруженную прекрасными лесами, как, забыв обо всех спутниках и о самой Музе, повинуясь какому-то божественному обезьяньему инстинкту, я рванул, я бросился, я взмыл в горы и там всей грудью вдохнул сладостный аромат, испускаемый елями.

Там, как-то ночью, когда я спал на дереве, меня разбудили звуки голосов. Прислушавшись внимательно, я различил голоса юноши и девушки, разговаривавших между собой — что удивительно — по-латыни. Я сразу понял, что это студенты, изучающие классическую филологию, которые в целях упражнения разговаривают по-латыни[1]. Однако вскоре я заметил, что они не только движимы любовью к латинскому языку, но молодой человек мало по малу перешел к любовным клятвам, которые я, будучи не в состоянии изложить прозой, передам стихами.

Поверь, жизнь моя, что я
  Люблю тебя больше глаз своих,
Больше жизни своей, дорогая!
  И я до тех пор буду любить тебя,
Пока сосны вершинами своими
  Окружают трон зеленого короля[2],
И пока течет голубой Некар,
  Устремляясь к водам Рейна.

На это девушка ответила таким образом:

Мой негодный мальчишка,
  Не давай ложных клятв.
Некар был лазурным,
  А теперь он желтый и грязный.
И сосен становится меньше и меньше
  На вершине горы.

---

[1] Не верю. ПРОФ. АРИДУС. — Верь. ОБЕЗЬЯНА.

[2] Это холм в Гейдельберге. ПРОФ. АРИДУС. — А это известно. ОБЕЗЬЯНА.

De Musa loquens tamen semper de una ex iis puellis, quae comoediam egerant, cogitabam.

Sed vix Heidelbergam adveneram vallemque Nicri silvis pulcherrimis cinctam conspexeram, cum omnium comitum et ipsius Musae oblitus divinoque quodam simiarum instinctu impulsus in montes abii evasi erupi ibique odorum suavitatem, qui ex abietibus afflabantur, pectore imo hauriebam.

Ibi nocte quadam, dum in arbore mea dormio, vocibus auditis expergiscor. Inde diligentius subauscultans distinxi adulescentis puellaeque voces inter se colloquendum, et, id quod maxime mirabar, Latine[1]. Quos philologiae classicae esse studiosos, qui exercitationis causa loquerentur Latine, statim videram. Mox tamen eos non modo Latinitatis amore captos esse perspexi; nam puer paulatim ad iura iuranda amatoria transiit; quae cum oratione prosa adumbrare non possim, versibus reddam:

Crede, plus oculis meis,
  plus vita, mea vita,
te, carissima, diligo,
  te, te semper amabo,
dum Regis viridi Thronum[2]
  cinget vertice pinus,
et dum caeruleus fluet
  in Rheni vada Nicer.

Ad quae puella hunc in modum respondit:

Falsum, pessime mi puer,
  iuravisse caveto:
Nicer caeruleus fuit,
  est flavus luteusque;
iam pinus minus et minus
  viva in vertice montis.

---

[1] Non credo. PROF. ARIDUS. — Crede! SIMIUS.
[2] Hic est collis Heidelbergensium. PROF. ARIDUS. — Notum. SIMIUS.

Тогда юноша:

Клянусь государством,
  Которое даст нам
Возможность жить,
  Коль скоро мы будем учителями
Словесности и искусств.

На что тотчас же девушка:

Не клянись государством,
  Ибо оно не нуждается более
Ни в учителях,
  Ни в латинском языке.

Произнеся это, они разрыдались. Наконец юноша высказался в том духе, что на экзамене они должны получить высший балл от профессоров. Ведь должность государственного учителя открывается только самым лучшим. И тут девушка спрашивает: «Так что ж мне делать, если, мне представляется, я не слишком тверда в латинском?» А тот ответил: «А что я буду делать со своей диссертацией, которую готовлю о богине Исиде, если, рассмотрев все источники, я не нашел ничего нового?»

Я ласково обратился к ним с дерева: «Мужайтесь, ребята!» И не сказал более не слова, бросил к ногам девицы маленькую книжицу, которую мне подарил лучший из профессоров — Страбон, написанную по-латыни златоустом нашего времени, отцом Кюанеем Дрюолимнием из Саарбрюккена*, у которой было и немецкое название[3]. Как я с удовольствием узнал, этот патер с помощью[4] профессора Христиана перевел на латинский язык все слова нашего времени, чтобы приспособить его к современной жизни. Но возвращаюсь к нашей теме.

---

[3] «Latein activ» или «Опыт разговорного латинского языка». [Имя автора (Caelestis Eichenseer) в тексте шуточно передается в греческом «переводе»: Кюаней Дрюолимний. *Прим. сост.*]

[4] Другое чтение: при [содействии] помощника [здесь игра слов намекает на фамилию сотрудника Эйхензеера, Христиана Хельфера (Helfer = помощник); одновременно имитируется наличие вариантов в как бы существующих разных рукописных списках. *Прим. сост.*]

Tum vero adulescens:

At per rem tibi publicam
iuro, quae dabit unde
vivamus bene litterarum
artiumque magistri.

Cui puella statim:

Ne per rem mihi publicam
iures; namque magistris
iam res publica non eget
nec sermone Latino.

Quibus dictis lacrimis indulserunt. Tandem adulescens puellam admonuit solam in eo spem esse positam, ut examinati summa cum laude a professoribus probarentur. Nemini enim nisi optimo cuique magistrorum publicorum munera patere. Hic puella: «Quid igitur faciam» ait, «cum sermonis Latini mihi non satis perita esse videar?» Et ille: «Quid mea dissertatione faciam, quam de Iside dea conscribere paro, cum omnibus testimoniis excussis nihil novi potuerim invenire?»

Quos ego ex arbore voce blanda alloquor: «Sitis bono animo». Nec plura praefatus puellae ante pedes libellum parvulum ieci, quem mihi Strabo professorum optimus dono dederat, a viro nostri saeculi eloquentissimo, Patre Cyaneo Dryolimnio Saravipontano*, Latine conscriptum, Germanice inscriptum[3].Quem Patrem adiuvante[4] Professore Christiano cunctas recentioris aevi voces in linguam Latinam transtulisse, ut eam hodierno tempori accommodaret, libentissime audiveram. Sed ad propositum redeo.

---

[3] «*Latein aktiv*», id est «Latine loquendi promptuarium».

[4] Varia lectio: Adiutore.

В то время как в суматохе испуга молодые люди кинулись искать, откуда мог исходить мой голос, девица наткнулась на книгу и, открыв ее и прочитав несколько слов, так как светила полная луна, воскликнула: «Ура! Из этой книжки мы извлечем больше пользы и удовольствия, чем из грамматики профессора Аридуса[xvii]». Тут юноша, взглянув ввысь, воскликнул: «Здравствуй, бог ты или человек, будь ты Говор Разговорников или Небесногласов, то ли Книгометателев, либо Покоенарушителев[xviii]! Я тебе в высшей степени благодарен за ту помощь, которую ты нынче нам оказал». Это истинно римское приветствие мне до такой степени понравилось, что я уже не мог отложить далее свое *богоявление**. Вежливо приподняв шляпу, как это делают люди, и опираясь только на задние лапы, я спускаюсь на самую нижнюю ветку: «И вот я тут — некогда ставший ослом из человека, человеком — из осла, из человека — жрецом Исиды, возвращаюсь теперь на землю, чтобы поведать тебе все, что ты хотел бы знать о богине Исиде».

И вот так ежедневно мы собирались по вечерам на той горе, которая называется «Королевский трон», чтобы поговорить по-латыни. И уже через два месяца и девушка, которую звали Кандида (и внешность которой соответствовала ее имени), так овладела латинским, что на экзамене удостоилась от профессоров высшего балла. А юноша, имя которого было Феликс, под мою диктовку, описал все таинства Исиды, даже те, которые никогда не были доверены рукописям и были известны только одним жрецам. Таким образом, в июле, когда диссертация была завершена и передана профессору для прочтения, и мои ученики, и сам я смогли расслабиться, и я решил провести этот отпуск в одиночестве, в лесу, который называется Шварцвальд.

Illi dum perterriti quaerunt, unde vox mea veniret, puella libellum exceptum aperuit et — cum luna esset plena — nonnullis verbis perlectis: «Heia!» inquit «Ex hoc libello fortasse plus emolumenti gaudiique capiemus quam e Grammatica Aridi Professoris». Inde adulescens sursum spectans: «Salve», ait, «sive deus sive homo, sive Aius Locutius sive Caeliloquus sive Bibliobolus sive Librilibrator appellari mavis, gratias tibi ago maximas, quod nobis praesens opem praestitisti». Quae salutatio vere Romana mihi adeo arridebat, ut *θεοφάνειαν** meam diutius differre non possem. Pilleolo igitur comiter allevato hominumque more solis manibus posterioribus nisus in extremum ramum progredior et: «Ecce qui olim» dixi «ex homine asinus, ex asino homo, ex homine sacerdos Isidis factus sum, in terram redeo, ut omnia, quae de Iside dea scire vis, proferam».

Ita factum est, ut cotidie in eum montem, qui Regis Thronus dicitur, vesperi Latine colloquendi causa conveniremus. Sic duobus mensibus peractis et puella, quae et appellabatur et erat Candida, sermonis Latini tam perita fuit, ut examinata summa cum laude a professoribus probaretur, et adulescens, cui Felici erat nomen, omnia Isidis mysteria — etiam ea, quae numquam litteris mandata solis sacerdotibus nota erant — me dictante perscripserat. Igitur mense Iulio dissertatione elimata professorique tradita et discipulis meis et mihi opus erat feriis, quas solus in Silva, quae dicitur Nigra, degere volebam.

КНИГА IV

О философии коров, которая называется еще и Спуск в подземное царство*

LIBER IV

De boum philosophia qui et κατάβασις*

Там я, раскачиваясь на ветках деревьев, держась то передними, то задними лапами, заметил, что многие из них больны, другие очень слабы, а иные вообще умерли, так что я стал понимать, что профессор Страбон был прав, предсказывая это. Так как я понимал, что здесь едва ли можно ожидать какой-нибудь помощи от людей, которые всей душой поклоняются этим вонючим богам на четырех колесах, то я попытался обратиться к животным, из которых наибольшее мое восхищение вызывали коровы, поскольку им, как я понимал, присуща масса достоинств: выносливость по отношению к трудностям, твердость убеждений, спокойствие духа, некое царственное достоинство. Но — что у меня вызывало немалое удивление — я нигде не видал на лугах коров.

Между тем, когда уже темнело, я приблизился к какой-то сельской постройке, окруженной высокими стойлами, из которых слышалось мычание скота. Когда я с крыши, через приоткрытое окошечко взглянул туда, то увидел около 30 коров и услышал звон оков и грохот цепей. Обратившись к одной, показавшейся мне несколько менее тупоумной, чем остальные, я сказал: «Неужели же ты, которая белее молока, прекраснее Инахиды, ты, чьи очи достойны Юноны, неужели не испытываешь тоски по прелести лугов, пестроте цветов, свежести источников?» Она на это ничего не ответила. А только слегка шевельнула хвостом, чтобы прогнать мух. Мне уже стало досадно тратить зря красоты столь изысканной речи на корову, когда вдруг, приоткрыв рот, совсем по-человечески, она стала мычать — и в перерывах между пережевыванием жвачки сказала следующее:

«Мне сдается, чужестранец, что ты пришел издалека, более того, я бы заметила, ты вообще из другого стойла,

Ibi dum manibus modo prioribus modo posterioribus corpus meum per ramos et arbores libro, multas ex iis aegrotare, alias defecisse, alias mortuas esse vidi, usque eo, ut mihi quidem professorem Strabonem vera vaticinatum esse sentirem. Qua in re cum ab hominibus, qui dis illis foetidis, quattuor rotis praeditis, se toto animo dedidissent, vix quicquam auxilii sperari posse vidissem, animalia adire conatus sum. Quorum vel maxime boves admirabar, quibus plurimas virtutes inesse credebam: laborum patientiam, ingenii constantiam, animi tranquillitatem, regalem quandam dignitatem. Sed in pratis, id quod valde mirabar, nusquam boves videbantur.

Interea, cum iam advesperasceret, ad casam quandam agrestem veni magnis stabulis circumdatam, e quibus armentorum mugitus audiebatur. Quae cum e tecto per fenestellam adapertam inspexissem, vaccas viginti vel triginta vidi, audivique strepitum vinculorum catenarumque crepitantium. E quibus unam, quae mihi videbatur paulo minus hebes ceteris, allocutus: «Nonne te, dixi, quae lacte sis candidior, Inachide pulchrior, cuique sint oculi Iunone digni, desiderium pratorum amoenitatis, florum varietatis, vivorum fontium salubritatis tenet?» Ad quae illa quidem nihil; nisi quod caudam paululum movit, ut muscas abigeret. Iamque me paenitebat sermonis tam urbani colores in vacca perdidisse, cum ore adaperto haud inhumane mugivit et per ruminationis intervalla talia fere edidit:

«Ex longinquo mihi, hospes, videris venisse; immo ex diverso te esse stabulo dicerem, si esse alia stabula crederem.

если бы я была уверена, что существуют другие стойла. Если это было бы не так, то ты бы знал, что такая жизнь, которая наконец досталась нам в этот счастливейший век, является и прекраснейшей, и замечательнейшей, и лучшей из всех.

Ведь что можно вообразить себе прекраснее этого стойла, в котором сами оковы своим звоном говорят нам, что мы наконец получили свободу? Разве благодаря электрическому освещению мы не освободились от рабства со стороны природы, коль нас уж больше не волнует, день ли сейчас или ночь, лето или зима? Далее: что прекраснее музыки Себастьяна Баха, слушая которую ежедневно, мы даем больше молока? А что прекраснее этих кормушек, из которых мы получаем пищу, что чище этих доильных машин, освобождающих нас от господства людей, что целебнее этого искусственного ручейка, который смывает и уносит все наши испражнения? А ты мне тут твердишь еще не знаю о каких солнцах, водах и лугах, однако умалчивая о трудностях косьбы, о рабстве перед плугом, от которого мы наконец освободились. Честное слово, ты мне представляешься совсем не мужем, а какой-то старухой, похожей на мою бабушку, которая, забившись в угол вплоть до смерти, все жаловалась, пока из-за разговоров, недостойных нашего свободнейшего века, она не получила заслуженного наказания. Впрочем, все то, о чем ты тут рассказываешь: солнце, источники, луга,— все это фантазии, и я полагаю, что нет ничего истинного и основательного кроме этого стойла».

Выслушав это, я из-за непереносимой вони спертого воздуха бежал из стойла в леса, размышляя с величайшим огорчением вот о чем:

> О Германия, некогда земля
>   дорогая поэтам,
> ты, мать мудрецов,
>   родившая искусство музыки.
> Лишившись своих лесов,
>   как облысевшая старуха,
> ты отдана тупому воину

Quod ni ita se haberet, hoc genus vitae, quod nobis hoc demum beatissimo saeculo contigisset, et pulcherrimum et amoenissimum et saluberrimum esse omnium scires.

Nam quid hoc stabulo pulchrius excogitari potest, in quo ipsa vincula strepitu nobis indicant nos demum verae libertatis esse participes: Nonne enim lucis electricae ope e servitute naturae in libertatem vindicatae sumus non amplius curantes sitne dies an nox, aestas an hiems? Deinde quid musica Sebastiani Bachii amoenius, qua cotidie audita ad praebenduum lac impellimur? Tum quid his praesepibus lautius, quibus semper pascimur, quid his machinis mulctricibus purius, quae nos dominio hominum liberant, quid hoc rivo artificioso salubrius, quo quidquid fecimus fimi statim abluitur asportaturque? Hic tu mihi nescio quos soles, fontes, caespites narras — de herbae carpendae labore, de aratri servitute, a qua tandem sumus liberatae, taces? Non mehercule vir, sed anus quaedam mihi videris esse, haud dissimilis aviae meae, quae in angulo illo stans usque ad mortem lamentata est — donec propter sermones liberrimi nostri saeculi indignos supplicio dignissimo affecta est. Ceterum equidem omnia illa, quae narras — soles, fontes, prata — somnia puto fabulasque neque quicquam veri aut solidi praeter hoc stabulum esse credo».

Haec cum audissem, aeris corrupti taedio affectus e stabulo in silvas fugi talia summo cum maerore cogitans:

O Germania, terra quae
   olim cara poetis,
mater tu sapientium,
   ars qua musica nata est:
silvis orba tuis, anus
   crines ut spoliata,
obtuso data militi

и жуликоватому торгашу.
Как ты не похожа на себя —
в стремлении к жизненным благам!
Ты теперь больше уж
не заботишься о небесных стихах,
и очи твои не различают,
что прекрасно и что достойно,
и ты, как глухая,
не слышишь гласа священной мудрости.
Преданная только одной выгоде,
чего только ты, нечестивица, не продаешь?

cauponique procaci
heu quam es dissimilis tui,
sectans commoda vitae!
Nam caelestia sunt tibi
non iam carmina curae,
nec cernunt oculi tui,
quid pulchrum, quid honestum,
nec sanctae sapientiae
vocem surdior audis.
Soli dedita tu lucro
quid non, impia, vendis?

КНИГА V

О подлинной науке, которая еще называется критической*

LIBER V

De vera scientia qui et κριτικός*

По окончании моих каникул я в глубокой печали и волнении вернулся в Гейдельберг, где в назначенный день увидел моего Феликса, привычно поджидавшего меня под деревом. Хотя я и был удивлен, встретив его в одиночестве, однако же, не подозревая ничего дурного и полагая, что девушка скоро появится, в шутку обратился к нему с такими словами: «Неужто, достигнув высокой докторской степени, ты пришел сегодня в одиночестве, чтобы выпить со мной?» А он ничего не ответил. Тогда я, пораженный, спросил: «Разве твоя диссертация оказалась не столь хороша?» А тот: «Напротив. Слишком хороша!»

Когда я попытался выяснить, как же так может быть, он ответил: «По трем причинам. Во-первых, потому что она была написана по-латыни, а некоторые профессора настаивали на том, что латынь совершенно не нужна в наше время. Но здесь мой наставник вышел победителем, напомнив, что в нашем университете на протяжении 600 лет диссертации писались на латыни, так что и сейчас это, разумеется, возможно».

Когда я стал интересоваться другими причинами, Феликс ответил: «Вторая причина несколько сложнее: потому что я посвятил несколько страниц современной жизни, где писал, что сама Мать-Земля нам важнее, чем Исида, именно ее мы должны лелеять и защищать, чтобы детям и внукам мы могли передать ее целой и невредимой. Прочитав это, профессор Аридус[1] в гневе назвал меня ЗЕЛЕНЫМ, на что я чуть не ответил, что предпочитаю быть зеленым, нежели сухим».

Тут я сказал: «Ты очень правильно поступил, что промолчал. Все это не имеет отношения к делу. Но неужели только поэтому вся работа была отвергнута?» «Отнюдь,— ответил он,— я обещал выбросить эти страницы».

[1] Такого профессора я ни в Гейдельберге, ни где-нибудь еще не видел. ПРОФ. АРИДУС. — Ты не видел самого себя. ОБЕЗЬЯНА.

talibus feriis peractis et tristissimus et maxime sollicitus Heidelbergam redii, ubi die dicta Felicem meum me exspectantem sub arbore solita vidi. Quem etsi solum esse mirabar, tamen nihil mali suspicatus puellamque mox venturam esse ratus per iocum adloquor talibus: «Nonne doctoris gradum adeptus altissimum hodie solus venis, ut vinum bibas mecum?» At ille nihil. Tum ego attonitus: «Quid igitur? Num dissertatio tua non satis bona fuit?» At ille: «Immo vero nimis bona».

Hoc quomodo fieri posset, mihi quaerenti «Tribus» ait «de causis. Primum, quod Latine scripta erat. Quam linguam nonnulli professores minime nostri esse saeculi contendebant. Sed hac in re doctor meus exstitit victor, cum in studiorum Universitate, in qua per DC annos dissertationes Latine scribi solitae essent, id etiam hodie permitti oportere dixisset».

Hic mihi de ceteris causis quaerenti: «Secunda, inquit, paulo difficilior fuit. Nam nonnullas paginas de vita addideram hodierna, quibus nunc maioris esse momenti ipsam terram matrem quam Isidem dixeram. Illam enim nobis fovendam atque defendendam esse, ut liberis atque nepotibus integram atque incolumem possemus tradere, scripseram. His igitur perlectis professor Aridus[1] ira incensus VIRIDEM me vocavit; ad quod ego me malle viridem esse quam Aridum paene respondi».

Hic ego: «Perbene fecisti, quod tacuisti. Nam extra causam erant ista. Num ideo totum opus condemnatum est tuum?» «Minime» inquit. «Eiecturum enim me illa promise».

---

[1] Talem professorem neque Heidelbergae neque alibi vidi. PROF. ARIDUS. — Te non vidisti. SIMIUS.

И я говорю ему: «Я уже давно жажду услышать, в чем состоит третья причина».

На это он: «Так слушай же! Сначала профессор согласился, что все известное нам об Исиде я свел к трем-четырем принципам, которые составляют основные элементы ее культа. При этом он не отрицал, что мне удалось все фрагменты — сколь бы ни были они различны — весьма прочно связать друг с другом. Однако при этом он добавил: “Во-первых, друг мой, знай, что наука не всегда имеет дело с целым, но лишь с частями его; и так как то, что дошло до нас, состоит из фрагментов, то горе тому, кто попытается восполнить лакуны своими собственными соображениями. Только то, что содержится в бумагах, папирусах, пергаментах, достойно исследования. И поэтому знай, что наука — это не инструмент познания, но мерило незнания. А ты, кто осмелился вопреки этому проявить своемыслие, преступно лишил нас тех лакун, с которыми имеет дело вся наша наука. Тем самым ты уничтожил не только лакуны, но и самое науку. Впрочем, этот труд — наименее весомый из всего, что я когда-либо читал...” В этот момент из его дрожащих от негодования рук выпала книга и своей тысячефолиантовой тяжестью придавила мозоли профессора. Но какая мне польза от того, коль эта диссертация является самой незначительной причиной моего горя».

«Но что же наша девушка задерживается?» — вопросил я. Его глаза еще сильнее наполнились слезами, и он назвал ее негодяйкой, прибавив: «Прочитай мои упреки к ней в этом стихотворении». Говоря это, он протянул мне бумажный листок, на котором я обнаружил следующее:

Свет мой, но не крест мой, сладостная,
а не отталкивающая, милая
Дары, которые ты просишь, я отдам тебе так: они не мои.

На это я ответил: «Я скажу, что думаю. Это стихотворение не показалось мне оскорбительным». А он: «А ты не читал его, как это делают обезьяны, в обратном порядке? Тогда это будет звучать так:

Cui ego: «Sed iamdudum cupidissimus sum audiendi, quam causam tertiam attulerit».

At ille: «Et est operae pretium. Audi igitur! Atque initio quidem ille me omnia, quae de Iside nota sunt nobis, ad quattuor vel quinque principia, quae sacrorum Isidis esse arbitrarer elementa, rettulisse concessit. In quo non negavit id mihi contigisse, ut omnia fragmenta quamvis diversa artissimo inter se coniungerem vinculo. Ad quae tamen haec addidit: «Primum quidem, mi amice, non ad totum referri sed ad partes scientiam scito. Deinde: Ea, quae nobis tradita sunt, cum e fragmentis constent, vae illi, qui cogitatione lacunas explere temptaverit! Sola enim ea quae in chartis, papyris, pergamentis scripta invenimus, digna sunt cognitu. Tum scientiam non esse artem sciendi sed nesciendi scito, qui contra ipse sapere ausus illis lacunis, in quibus tota scientia nostra versata erat, nos, scelerate, privasti. Quo non solum lacunas sed etiam ipsam scientiam sustulisti atque sepelisti. Ceterum hic liber omnium, quos umquam legi, levissimus...» Inter haec de manibus ira trementibus liber excidit et pedum professoris clavos gravissimo pondere percussit mille foliorum. Sed quid hoc mihi profuit, cum ipsa dissertatio minima maeroris mei causa sit?»

«Sed puella nostra quid cessat?» dixeram; at ille etiam magis lacrimis indulgens pessimam illam vocavit et «Lege igitur» inquit «quo illam carmine vituperaverim». Dixit schedulamque mihi porrexit, in qua haec scripta legi:

> Lux mea, non mea crux, dulcis, non foetida, cara!
> munera, quae poscis, sic dabo, non mea sunt!

Cui ego: «Sed hoc mihi carmen, ut dicam quod sentio, minime contumeliosum videtur!» At ille: «Legistine more simiarum voces ordine inverso? Nam sunt hae:

Это мое, я не дам тебе так дорогих даров, которые ты просишь.
Ты противная, а не сладостная, крест мой, а не свет мой».

Тут я говорю: «Ну что ты безумствуешь? Ведь, я полагаю, никому и никогда не доставалась такая ослепительная девушка!» А он говорит: «Ослепительная?» А я говорю: «Ну и что дальше? Может быть, она любит другого?» «Не знаю,— говорит он,— но знаю твердо, что меня она не ставит ни в грош». «Это почему?» «Она не здоровается со мной, не смотрит на меня и даже не знает меня». «Почему же?»

На это он, вздохнув, ответил: «Я тебе расскажу все по порядку. Началом моего горя стало то, что хотя она и сдала экзамен с высшей оценкой, однако нигде не смогла найти место учительницы; поэтому она обратилась к высшему руководителю компании». «А кто это?» «Вот и видно, Луций, что ты не гражданин нашей страны. Если бы это было не так, ты бы знал, что он не только самый мерзкий среди людей, но и самый могущественный». «Что он, король или президент?» «Отнюдь. Он торговец и хозяин тех приспособлений, которые мы могли бы назвать по-латыни компьютерами. Самые большие из них стóят так дорого, что даже государство не может купить их, но способно только взять в аренду за плату. В результате получается, что всякий человек на земле, наделенный властными полномочиями, подчинен и зависим от воли главы этой компании». «Значит, девушка работает на него?» «Да. Там она сидит с утра до вечера, занимаясь каким-то светящимся ящиком, не видя ничего, кроме него, с бледным лицом, на котором не видно и тени улыбки».

Здесь я говорю: «Ты меня убедил не в том, что она дурная, а в том, что она несчастна. Ведь совершенно очевидно, что она продала свою душу». На это юноша: «Как же я был слеп и несправедлив! Скажи, скажи, как мне вернуть на свободу ее душу?» Я отвечаю ему: «Для того чтобы это получилось, я должен знать, чем более всего увлекается этот человек?» А тот: «Это очень легко: игрой в карты и собиранием древних монет».

Sunt mea, non dabo sic, poscis quae munera cara,
foetida, non dulcis, crux mea, non mea lux!»

Hic ego: «Quid furis? Nemini enim umquam tam candidam puellam obtigisse arbitror». Ille autem «Candidam?» «Qui igitur?» dixi. «Num alium amat?» «Nescio», inquit «sed illam me non flocci facere certo scio». «Quid ita?» «Non me salutat, non me oculis adspicit, ne me novit quidem». «Ex quo?»

Hic ille suspirans: «At ego» inquit «cuncta tibi ordine narrabo. Doloris igitur mei principium fuit, quod quamquam summa cum laude probata tamen magistrae munus adepta non est; quo factum est, ut ad Societatis Societatum Summum Magistrum transiret». «Quis ille?» «Video te, Luci, huius terrae non esse civem; ni ita esset, illum non solum omnium hominum esse pessimum scires, sed etiam potentissimum». «Regemne an praesidem dicis?» «Minime. Immo mercatorem atque dominum earum machinarum quas computatrices Latine appellare possimus. Quarum quae sunt maximae tanti sunt pretii, ut ne publice quidem emi, sed mercede tantum conduci possint. Quo fit, ut omnium terrarum potentissimus quisque Societatis Magistri arbitrio subiectus atque obnoxius sit». «In illius igitur puella negotiis detinetur?» «Ita est. Ibi a mane ad vesperum sedet, cistae cuidam lucenti inserviens, nil nisi illam intuens, pallido vultu, nullo exhilarata risu».

Hic ego: «At tu mihi illam non malam, sed miseram esse persuasisti. Nam animam eam vendidisse manifestum est». Ad haec puer: «O quam caecus» inquit «atque iniustus fui! Dic, dic mihi, quomodo animam eius in libertatem vindicem!» Cui ego: «Quod ut fieri possit, sciam oportet, quibus studiis ille vir maxime delectetur». At ille: «Facile», ait, «dictu est: lusu paginarum et nummis antiquis».

Услышав это, я не смог удержаться от восклицания «Ура!» и захлопал всеми четырьмя лапами. Когда я поинтересовался, откуда это ему известно, он ответил: «Слушай, чтобы получить возможность встретиться с моей девушкой, я спросил у него, может ли он предоставить какую-либо работу? Но единственное, чего я добился, это то, что в конце каждой недели вечером я играю с ним в карты*, и монеты, которые он мне дает, я забираю себе, если выигрываю, либо отдаю обратно, если проигрываю».

На это я промолчал, но, мой Аттик, я извлек из твоего кошелька три великолепных монеты: первую — медную, вторую — серебряную, третью — золотую, и подал их юноше, открыв ему, что собираюсь делать.

Quibus auditis facere non potui, quin «Heia» exclamarem et quattuor manibus plauderem. Tum id unde sciret, mihi quaerenti «Audi igitur!» dixit. «Ego enim, ut ad puellam meam propius accederem, ex illo quaesiveram, possetne mihi aliquid negoti dare. Sed hoc unum impetravi, ut octavo quoque vespere cum eo paginis luderem* nummosque, quos ille mihi commodasset, aut victor retinerem aut redderem victus».

Ad quae ego nihil ultra; sed e crumena tua, mi Attice, tres nummos eosque pulcherrimos prompsi — primum aheneum, secundum argenteum, tertium aureum — adulescentique tradidi et, quid fieri vellem, ostendi.

КНИГА VI

О трех сражениях, которая еще носит название очистительная*

LIBER VI

De tribus proeliis qui et καθαρτικός*

Итак, вечером того же дня, сидя на крыше и разглядывая через маленькое треугольное оконце дом главы кампании, я увидел его самого в момент, когда он говорил входящему юноше: «Мне надоели эти обычные игры, неужто ты, ученый человек, не можешь изобрести какой-либо новенькой?» А тот в ответ: «Конечно, могу. Но сначала прошу тебя, господин, не давай мне сегодня взаймы твоих денег, так как я бы хотел поставить кое-что из моих средств». На это он с улыбкой говорит: «Ну, это очень просто. Но что именно ты, беднейший, хочешь доверить фортуне, может быть, эту твою затертую куртку из искусственной кожи?»

А юноша ничего не отвечает и кладет на стол медную монету, при виде которой старик: «Где ты это нашел? Или, может, украл?» А тот убрал ее обратно в нагрудный карман. Тогда глава компании, у которого глаза от разгоревшейся жадности готовы были выпрыгнуть из орбит, прошептал: «Я не собираюсь спрашивать, откуда у тебя эта монета, я прошу только, чтобы ты показал мне ее». А тот ответил: «Ни в коем случае. Ибо я требую, чтобы ты тоже доверил Фортуне что-то ценное». На это ему босс: «А почему бы нет? Ставлю сто немецких марок». На что юноша со смехом: «Я был уверен, что ты разбираешься в монетах. И если бы ты на самом деле был нумизматом, ты бы, конечно, понимал, что эта монета бесценна».

А ему старик: «Что это значит? Неужели ты пренебрегаешь деньгами?» «Ты прекрасно знаешь,— говорит юноша, — что отнял у меня душу Кандиды, так вот, верни мне ее». А тот: «Душу? Чепуху ты говоришь. Какие устаревшие слова употребляет нынешняя молодежь. Но поскольку души не существует, я легко могу уступить тебе эту душу». На это юноша: «Идет. Ударим по рукам». Старик ответил: «Однако только при том условии, что в этой карточной игре ты выиграешь».

Igitur vespere eiusdem diei tecto insidens domumque Magistri Societatis per fenestellam quandam triangularem inspiciens ipsum vidi, qui, postquam adulescens intravit: «Taedet me», inquit, «ludorum istorum vulgarium. Nonne igitur tu, quippe qui doctus sis, ludendi genus excogitabis novum?» Cui ille: «Sane quidem. Sed primo oro te, domine, ne mihi hodie pecuniam commodes, cum ipse de meo aliquid in discrimen velim ponere». Ad quae ille subridens: «Atque hoc quidem facile impetratu est; sed quidnam, omnium pauperrime, fortunae committere vis? Num detritissimum istum thoracem corio similem?»

At adulescens nihil. Tum mensae nummum aheneum imponit. Quo viso senex «Ubi hunc invenisti? An furatus es?» At ille nummum in sinum condidit. Tum vero Magister, cui cupiditate incenso oculi paene prolapsi essent: «Ego inquirere nolo», susurravit, «unde sit iste nummus. Quem semel quaeso monstres mihi, hoc tantum». At ille: «Minime!» respondit. «Postulo enim, ut tu quoque aliquid pretiosi fortunae committas». Cui Magister: «Quidni? Centum marcas Germanicas pono». Ad quae ille ridens: «Existimatorem nummorum esse te credidi; si esses, hunc nummum pretio non emi scires».

Cui senex: «Quid hoc sibi vult? Num pecuniam spernis?» «Scis bene» inquit puer «te mihi Candidae animam abstulisse. Hanc mihi redde!» At ille: «Animam? Nugas loqueris. Quam obsoletis iuventus ista utitur verbis! Sed animae cum non sint, facile animam illam concedere tibi possum». Ad haec adulescens: «Convenit! En dextram!» Cui ille: «Ea tamen lege, ut proximo paginarum lusu victoriam consequaris».

Достигнув договоренности на этом, они сели за игру и все внимание сосредоточили на сражении.

Впрочем, долгое время борьба шла с переменным успехом, поскольку один покрыл даму королем, а второй — короля тузом, которого юноша защитил валетом, пока валет не был побежден джокером. И вот в глубоком расстройстве Феликс, потеряв прекраснейшую монету, удалился.

Через семь дней, когда он вернулся в назначенный срок, едва я уселся в своем убежище, как старик любезно приветствовал входящего Феликса: «Видя в тебе, мой друг, великолепного изобретателя новых игр, прошу помочь мне советом. Я понимаю, что те, кто обслуживает мои машины, очень мрачно настроены. Если ты найдешь что-либо такое, что может их развеселить, тем самым окажешь большую услугу и им, и мне, ибо с каждым днем они становятся все более ленивыми». На это он говорит: «Я считаю, что их надо научить упражнениям, восстанавливающим дух и тело». Тогда тот недоверчиво: «Уж не хочешь ли ты навязать мне какого-нибудь бездельного филолога или ритора, чтобы я их кормил?» «Совсем не так,— отвечает тот,— я знаю некоего человека, опытнейшего в сложнейших индийских упражнениях, они называются йога, который, как я уверен, сможет дать им всем дельные советы». «Ты вызвал у меня желание повидать его». «Я срочно пришлю его».

«Однако за разговорами мы почти забыли о нашей игре. Так что же новенького ты принес?» А юноша, сохраняя невозмутимое выражение лица, вынул серебряную монету, небрежно бросив ее на стол. Увидев ее, старик сначала впился глазами в юношу, а затем, наклоняясь и потирая то правой, то левой рукой подбородок, долго не мог найти, что сказать. Наконец он начал так: «Ты мне кажешься каким-то любителем гоняться за сокровищами; уж не ограбил ли ты музей?» А тот: «Не знаю, найдешь ли ты музей, в котором можно обнаружить такие вещи. Когда ты получишь эту монету, все будут завидовать тебе. А я вновь прошу у тебя душу моей девушки. И кроме того, я бы хотел, чтобы ты дал мне должность начальника».

Tali foedere pacto consederunt. Tum omni studio ad bellum incubuerunt.

Ac diu quidem proelium anceps fuit; nam hic Reginam Rege, ille Regem Asse superavit; quem adulescens Puero defendit, donec Parvus a Vetere Puero victus est. Abiit igitur pulcherrimo nummo amisso Felix ille infelicissimus.

Octavo autem die, quo se rediturum promiserat, vix in latebra mea consederam, cum Felicem intrantem senex comiter salutavit: «Ego cum videam te, amice, ludorum novorum summum esse inventorem, oro, ut me consilio iuves! Nam eos, qui machinis meis inserviunt, omnes tristissimos esse video: tu igitur siquid inveneris, quo exhilarari possint, pergratum et illis et mihi facies; nam fiunt in dies pigriores!» Cui ille: «Instruendos», inquit, «eos ad exercitationes corporis atque animi puto relaxandi». Tum ille diffidens: «Nonne id studes, ut philologum aut rhetorem quendam otiosum pascendum mihi vendas?» «Minime» ait. «Immo vero novi virum quendam exquisitissimarum exercitationum Indicarum, quae yoga appellantur, peritissimum, quem illis omnibus saluberrima consilia dare posse confido». «Facis, ut illum videre cupiam». «Mittam quam primum».

«Sed interea ludendi paene obliti sumus. Quid igitur novi attulisti?» At ille vultu non mutato argenteum nummum prolatum neglegenter in mensam coniecit. Quo senex viso primo adulescentem adspexit, deinde se reclinans et mento tum dextra, tum sinistra manu prehenso diu, quid diceret, haesitabat. Tandem sic exorsus est: «Nescio qui thesaurorum esse indagator mihi videris; anne museum quoddam compilavisti?» At ille: «Haud scio an non invenias museum, in quo talia reperiantur. Quem nummum cum habebis, omnes invidebunt tibi. Denuo igitur a te animam puellae meae posco. Praeterea procuratoris des mihi negotium».

«Мне кажется, парень, что ты требуешь слишком многого. Но так как мне нужна эта монета, я согласен».

Началась такая игра, какой никогда не бывало. Лбы игроков то покрывались испариной, то обливались холодным потом, но все время взор их был устремлен в карты; и хотя то уверенно, то с деланной небрежностью бросали они на стол карты, на лбу у обоих было написано, с какой серьезностью, собранностью и твердостью духа бились они за победу. В конце концов, молодой человек потерял сначала червонную даму, а потом и червонного туза, так что босс возрадовался приобретению монеты и победе над противником (однако же юноша пообещал, что через неделю, к шести часам вечера он вернется).

В тот же вечер я по приглашению попал в «пасть льва», где поначалу был принят довольно прохладно и безмолвно из-за скромности моего одеяния, а когда продемонстрировал несколько упражнений, ко мне отнеслись более благосклонно. Первым из упражнений стала «свеча», где я, подняв задние лапы кверху, держался только на одной передней левой. Второе называлось «крючок»: исполняя его, я висел, одной задней лапой держась за балку на потолке. Третье звалось «водолаз», исполняя его, я крутил колеса тренировочного велосипеда, стоявшего у него в комнате, не задними, а передними лапами. Тут он сказал «Довольно! Я дам тебе эту должность. Давай одну из твоих лап! А через неделю, в восьмом часу все сойдутся на занятия».

И вот настал назначенный день. Прийдя несколько раньше Феликса, я спрятался в своем наблюдательном пункте на чердаке и разглядывал босса, который в нетерпении от того, что его партнер задерживается, и распаляемый лихорадкой игры, жаждал ее начала. То он кружил по комнате, то с улыбкой потирал руки, то сидел в рассеянии, то смотрел в окошко, полный страстного ожидания. Наконец, он любезно встретил Феликса, который явился с небольшим опозданием и, скрывая дрожь, напустив небрежный вид, спросил: «Ну как, друг, что новенького?» (хотя когда он зажигал сигару, от юноши не укры-

«Magnum mihi quidem, adulescens, poscere videris; sed hoc nummo cum mihi opus sit, assentior».

Inde lusus ludi coeptus est talis, qualis nullo umquam tempore. Modo enim frontes febri aestuare, modo frigido sudore abundare; semper tamen suis cuiusque oculi in paginis esse defixi; et quamquam tum confidenter, tum ficta neglegentia chartas in mensam iactabant, tamen in frontibus inscriptum erat, quanta gravitate, quanta animi praesentia atque constantia de summa rerum uterque decerneret. Denique adulescens Cordis Reginam, postremo etiam Assem Cordis amisit; quo factum est, ut Societatis Magister et nummo parto et illo devicto gauderet (qui tamen se octavo die, hora duodevicesima, promisit esse rediturum).

Eodem vespere vocatus ipse cavum leoninum adii. Ille quidem primo propter vestitus mei modestiam frigidior atque taciturnior, mox nonnullis exercitationibus demonstratis benignior factus est; quarum fuit prima «candela», qua pedibus ad caelum erectis sola sinistra manu stabam, secunda «hamus», — hunc agens summo tigno altero pede suspensus eram tertia «urinator», qui birotam exercitatoriam (quam ille in conclavi secum habebat) non pedibus, sed manibus tractabam. Tandem «convenit!» dixit «iam huic muneri te praefeci. En dexteram; cedo unam e tot manibus tuis! Die igitur octavo, hora vicesima, omnes ad discendum convocabuntur».

Iamque dies ille aderat; ego autem paulo ante quam Felix veniret, solita specula in tecto consedi vidique Magistrum Societatis impatientem morae, ardentissima febri aestuantem, ludendi cupiditate flagrantem. Nam tum circum conclave errabat, tum subridens manum manu perfricabat, tum in cogitatione defixus sedebat, tum per fenestram prospiciebat desiderii exspectationisque plenus. Tandem Felicem casu quodam serius advenientem comiter excepit et trepidatione dissimulata «heus amice; ecquid novi?» neglegentius dixit. (quamquam, dum sigarum accendit, digitos tremuisse non fugit adulescentem). Qui minime territus: «Arcum vel

лось, как дрожали его пальцы). И Феликс невозмутимо сказал: «Держись крепче за подлокотники кресла, чтобы не упасть, когда увидишь то, что я сегодня принес».

Сказал и с непроницаемым выражением лица вынул из-за пазухи и положил на стол золотую монету. Когда босс ее увидел, в глазах у него потемнело, и он не смог удержать в руках медный колокольчик, стоявший на столе, и тот со страшным звоном упал на пол. Очнувшись от этого шума, босс снова посмотрел на золотую монету, потом на Феликса, потом, то правой, то левой рукой потирая подбородок, пробормотал: «Боюсь, не сон ли это?»

А затем поспокойнее и помедленнее, хотя голос еще подрагивал, спросил: «Ну что, на какую сумму играем?»

А тот: «Сегодня тебе, господин мой, придется поставить нечто большее. Я не прошу ничего другого, кроме того, чтобы все души были освобождены тобой, и чтобы ты объявил меня своим наследником». Босс, едва улавливая то, что говорил Феликс, и пожирая глазами этот золотой, охваченный страстным желанием игры, и будучи уверенным в победе благодаря двум предыдущим, произнес: «Требуй, чего хочешь! Мне нужна эта монета!»

И хотя в мыслях своих он уже видел себя счастливейшим из всех собирателей монет, он стал играть с обычной уверенностью, ловкостью и искусно. И вот уже Феликс готов был пасть духом, как вдруг (так он потом мне рассказывал) из карт ему любезно улыбнулась червонная дама, удивительным образом похожая на возлюбленную им девицу. Взяв эту карту, он сказал: «С этим знамением я одержу победу, о госпожа!» Сказал и бросил на стол карту. С этого момента ход игры переменился, и Феликс вышел из нее победителем.

anconem sellae tuae mordicus arripe, domine, ne collabaris, cum id, quod hodie attuli, videris».

Dixit et vultu non mutato aureum e sinu prolatum in medio posuit. Quo viso Societatis Magister caligantibus oculis tintinnabulum ex aere factum, quod in mensa erat, manu correptum tenere non potuit; quod magno cum fragore in solum cecidit. Quo sonitu experrectus denuo aureum illum aspexit, deinde Felicem, tum dextra tum sinistra manu bucculam suam apprehendens susurravit: «Tamen haec metuo somnia ne sint».

Tum frigidius lentiusque (quamquam voce nonnihil tremebunda): «Quid, mi fili?» dixit. «Qualem in pecuniam luditur?»

At ille: «Hodie tibi, domine, aliquid pluris committendum erit. Nihil enim aliud posco, nisi ut omnes animae liberentur et ut me successorem unicum nomines». Quibus ille aures vix praebens et aureum illum iam spe devorans et ludendi cupidissimus et duabus victoriis reportatis vincendi certissimus: «Posce» ait «quidquid vis; mihi hoc nummo opus est».

Et quamquam cogitatione praecipiebat sese omnium eorum, qui nummos coacervant, fore beatissimum, ludebat tamen solita et constantia et calliditate et sollertia. Iamque Felix demittere animo coeperat, cum — id quod mihi postea narravit — e paginis ei dulce arrisit Regina Crucis mirum in modum carissimae illius puellae imaginem reddens. Qua arrepta adulescens: «Signo tuo, domina, vincam». Dixit chartamque in mensam coniecit. Ex quo conversa res est, usque eo, ut Felix tandem victor exsisteret.

КНИГА VII

О перемирии,
или Восхождение*

LIBER VII

De pace
qui et ἀναγωγικός*

На просьбу Феликса выдать причитающееся босс со смехом ответил: «Если бы я даже захотел, то не смог бы освободить души». На это юноша: «Неужели ты настолько бессилен?» А тот: «Послушай, дружище, какой я хитрый. Ведь я не могу освободить души, но они сами могут это сделать. Однако условия для освобождения столь сложны, что их никто не может выполнить». Юноша: «Что же это за условия? Мне кажется, ты и сам не знаешь их». А тот, разъярившись: «Так нет же, знаю! Ибо достаточно, чтобы каждый на своем компьютере написал следующие слова: Я свободен». На это юноша: «Что может быть проще?» А старик: «Однако ж я считаю, что здесь есть некая трудность, которую невозможно преодолеть». Феликс: «Такое болтать может всякий». Тот в раздражении вскричал во весь голос: «Дело в том, что эти слова нужно написать по-латыни! И я полагаю, что ты, парень, знаешь, что в латинском языке нужно различать мужской и женский род, а поэтому каждый должен знать латинскую грамматику, что ни в коем случае не может быть, потому что я добился того, чтобы во всех гимназиях перестали изучать латинский язык».

И тут я, считая, что услыхал достаточно, сразу умчался, потому что теперь для меня настал момент начать обучение.

В огромном зале меня уже ожидала молчаливая толпа. Бледные и застывшие лица смотрели в мониторы своих компьютеров. Войдя, я сказал: «Сначала приступим к упражнениям, помогающим снять напряжение телесное и духовное. Давайте соберем все силы, а я на доске напишу два предложения, из которых первое касается женщин, а второе — мужчин. И это каждый должен написать в своем компьютере, причем тщательно воспроизвести».

Cui poscenti, ut promissa darentur, Magister ridens: «Equidem etiamsi vellem», ait, «animas liberare non possem». At ille: «Num adeo expers potestatis es?» Ad quae Magister: «Audi», inquit, «amice, quam callidus sim. Non enim ego animas liberare possum, sed ipsae. Cuius tamen rei condiciones adeo difficiles sunt, ut nemo iis stare posit». Tum puer: «Quae tandem sunt? Nam ne ipse quidem nosse eas videris!» At ille irritatus: «Novi vero! Nam satis est, ut sua quisque machina haec verba scribat ‚Liber sum'». Ad quae adulescens: «Quid hoc simplicius!» Senex autem: «Tamen huic rei difficultatem quandam inesse dico, quae superari non possit». Hic Felix: «Talia quivis garrire potest». Ad quae iratus ille magna voce clamavit: «Sane vero! Nam illa verba sermone Latino scribi oportet; et te, adulescens, scire puto in illa lingua utenda inter genus masculinum et femininum distinguendum esse. Quo fit, ut quisque Latinae grammaticae peritus esse debeat; quod nequaquam fieri potest, cum, ut in omnibus gymnasiis lingua Latina disci desita sit, ego perfecerim».

Hic ego, cum satis audivissem, statim avolavi; nam tempus erat, ut institutionem incoharem.

Iam in aula maxima me taciturna multitudo exspectabat, suam quisque machinam intuentes, immotis vultibus pallidisque. Quo cum intravissem: «Antequam, sodales», dixi «ad exercitia corporis animique relaxandi accedamus, agite nervos omnes contendamus; scribam enim duo enuntiata in tabula nigra. Quorum prius a mulieribus, alterum a viris sua quaque machina describenda sunt, et quidem diligentissime».

И вот вначале я написал для женщин: Я СВОБОДНА,— а потом для мужчин: Я СВОБОДЕН.

И когда слова были старательнейшим образом переписаны, ты бы увидел, как у всех изменились лица, как пустое выражение глаз осветилось ярким блеском, как покраснели и потеплели щеки, как стянутые губы тронули мягкие улыбки.

Тут все вскочили, стали весело и по-дружески обниматься, забыв о своих машинах. А я сказал: «Друзья, давайте-ка выйдем! А я отправлюсь в комнату босса, чтобы встретиться с тем самым Феликсом, который вас освободил». А одна из девиц, услышав это имя, встрепенулась: «Отведи меня к нему, ведь долго я, не знаю почему, о нем не вспоминала!»

И, когда все прочие ожидали нас снаружи, мы вошли внутрь кабинета, через открытую дверь которого побежденный босс, схватив, однако, золотую монету, убежал, а мы удостоились чести внимать и лицезреть Феликса, нового главу компании, беседовавшего по телефону с президентами стран первого и второго мира. Он убедил их в том, чтобы они, позабыв о соперничестве, всеми силами помогли и жителям стран третьего мира и восстановили бы леса на те средства, которые раньше тратили на военное дело. А они, так как он предоставлял в дальнейшем им компьютеры только на этом единственном условии, хотели того или нет, но подчинились.

И вот уже девица стала в нетерпении осыпать поцелуями юношу, как вдруг некий старец, пулей ворвавшись в комнату, разорвал их объятья и, сам целуя Феликса, вскричал: «Наконец-то я тебя, самого талантливого ученика, нашел! Ведь и Сократа плохо понимали его современники, так же, как и я, ничтожнейший из всех преподавателей, не понимал тебя. Истина довольно часто страдает, но никогда не угасает. Посмотри-ка, что я сегодня извлек из той самой египетской мумии, которая, как ты знаешь, находится в нашем семинаре». Сказал и вынул некий небольшой предмет, завернутый в клочок бумаги, и когда медленно и осторожно он раз-

Et praescripsi primum mulieribus haec: LIBERA SUM. Deinde viris: LIBER SUM.

Quibus verbis ab omnibus accuratissime exscriptis vultus mutari omnium cerneres. Nam oculorum languor splendidissima luce accensus, genarum pallor rubore atque calore suffusus, labrorum torpor dulcissimo dissolutus est risu.

Tum vero omnibus exsilientibus et inter se familiariter atque hilare amplexantibus machinasque deserentibus haec fere dixi: «Eamus, amici, foras; ego autem in conclave magistri ibo, in quo Felicem illum, qui vos liberavit, inveniam». Quo nomine audito una e puellis exclamavit: «Duc, o duc me, ut illum amplectar, cuius quomodo tam diu oblita sim, nescio».

Ergo ubi ceteris foris exspectantibus intravimus in conclave, cuius per portam apertam Magister devictus — nummo tamen aureo arrepto — fugerat, summa cum reverentia videmus audimusque Felicem — novum Societatis Magistrum — primo cum praeside primae partis, deinde cum partium praeside secundae partis orbis terrarum telephonice colloquentem. Quibus persuasit, ut omnium inter se simultatum obliti viribus unitis et tertiam orbis terrarum partem adiuvarent et silvas renovarent ea pecunia, quam antea in rem militarem impenderant. Qui cum ea lege sola iis computatrices machinas commodaret, sive volebant sive non, obtemperaverunt.

Iamque adulescentem puella morae impatiens osculis obruere coeperat, cum senex quidam haud aliter atque plumbum funda missum in conclave irrumpens eorum amplexus discidit et ipse iuvenem basians: «Tandem te», intonuit, «discipulorum ingeniosissime, inveni. Nam et Socrates a sui temporis hominibus parum intellegebatur et tu a me, doctorum pessimo. Sed veritas laborat nimis saepe, exstinguitur numquam. Vide igitur, quid hodie ex illo Aegyptio corpore medicato, quod in seminario nostro conservari scis, extraxerim». Dixit et e sinu parvum nescio quid chartis amicitum protulit; quod trementibus digitis lentissime cautissimeque evolutum miserrimam schedulam papyri esse apparuit.

вернул его дрожащими руками, пред нами явился фрагмент папируса.

«Вот этим прекраснейшим гимном Исиде,— говорит он, — подтверждается истинность почти всего того, что ты о ней написал, потому твою книгу, которую я по своей невероятной глупости осудил, теперь самой высокой похвалы достойной»,— он хотел прибавить «считаю», но из-за слез, застилавших глаза, он не смог договорить и, поддерживаемый справа и слева юношей и девушкой, вышел из комнаты. Вместе с остальными и я последовал за ним.

Там мы увидели новое небо и новую землю, ибо на лугах вместе со львятами резвились ягнята, а со львами — быки, с лисицами играли куры. Люди же, черные, белые, красные, желтые, коричневые, забыв о высокомерии, плясали и пели латинские песни. Их хороводы вели мусагеты*: Дрюолимний, Норберт, Страбон, за которыми следовали Николай из Майнца, Годо из Ареццо, Болеслав Американец, Кевин из Урбаны, Яков Ленинградец*, Исайя Москвич, Освальд Англичанин, Конрад из Фрайбурга, Йозеф из Базеля, Гентер и Петр из Гайянхофена[xix].

Посредине же Феликс со своей Кандидой, усевшись на древесном стволе, увитом розами, принимали приветствия от всех людей и животных, с восторгом поздравлявших их как жениха и невесту; тот самый профессор Аридус, превратившись из «сухого» в «зеленеющего», пропел латинский эпиталамий:

> Священный брат Купидона,
> Гимен, о Гименей,
> Небесный спутник Венеры,
> Наконец ты соединяешь любящих:
> Кандиду, счастливую своим супругом,
> И тебя, блистательный Феликс.
> Я молюсь: да родятся у вас мальчики,
> И пусть родятся у вас девочки,
> И пусть вскоре они заговорят
> И запоют по-латыни!

Тут Феликс поднялся и, подойдя ко мне, сказал: «Я тебя, Луций, объявляю с согласия всех людей и животных

Tum «Hoc» ait «pulcherrimo hymno Isiaco omnia fere vera esse confirmantur, quae de Iside scripsisti. Quare librum tuum, quem stultissimus condemnaveram, summa laude dignum» — addere voluerat «censeo»; sed cum prae lacrimis plura loqui non posset, ab adulescente et puella dextra laevaque sustentatus et foras eductus est. Quos cum ceteris secutus sum.

Ibi vidimus novum caelum novamque terram. Nam in pratis cum luporum catulis agni, cum leonibus boves, cum vulpeculis gallinae ludebant. Homines autem nigri, albi, rubri, lutei, buxei omni superbia deposita saltantes carmina Latina cantabant. Quorum choreas Musagetae* Dryolimnius, Norbertus, Strabo ducebant; ad quos accesserant: Nicolaus Moguntiacensis, Godo Aretinus, Boleslaus Americanus, Kevinus Neander, Iacobus Leninopolitanus*, Isaias Mosquensis, Oswaldus Britannus, Konradus Friburgensis, Iosephus Basileensis, Guenterus Petrusque Gaienhofenses, multi alii.

In medio autem cum Candida sua Felix, postquam in arboris trunco rosis ornato consederunt, ab omnibus hominibus animalibusque summa cum exsultatione sponsus atque sponsa consalutantur; quibus professor ille ex Arido in Viridem conversus Latinum cecinit Epithalamium:

Frater sancte Cupidinis,
  Hymen, o Hymenaee
caelestis Veneris comes,
  tandem iungis amantes:
felix Candida coniuge,
  et tu, candide Felix;
nascantur pueri, precor,
  nascanturque puellae,
et mox incipiant loqui
  et cantare Latine!

Tum Felix surrexit et ad me propius accedens: «Te» dixit «Luci, omnium hominum animaliumque suffragiis SIMIUM

ОБЕЗЬЯНОЙ-ОСВОБОДИТЕЛЕМ». А я ему отвечаю: «Да я ведь ничего не сделал, я только, по обычаю обезьян, подражал тому, что люди называют долгом, как свидетельствует Цицерон: ведь люди тем только приближаются к богам, что заботятся о человеческом благе. Даже не думайте, что в результате недостойнейшей конкуренции, происходящей из-за огромного несходства людей между собой, подражая обезьянам, вы станете похожими на человека».

Не возноси обезьяну
До небес, о счастливейший.
Не забудь похвалить Аттика,
Давшего нам деньги.
Восхваляй Владычицу креста[1],
Благодаря которой одержана победа,
Она обновляет лик земли,
Более великая,
чем древняя Исида.
Прославляй также грамматику
И латинский язык, который
Хитросплетения все распутывает,
Обманы все рассыпает;
Который от кандалов тебя освобождает
И для многих делает тебя другом;
Им наученный, ты осмеливаешься стать мудрым,
Разорвал цепи и, следуя собственному мнению,
Научился преодолевать все ложное.

И вот, выполнив свою задачу, я возвращаюсь на Острова блаженных, для того чтобы все рассказать вам, мой Аттик; а чтобы ты не думал, что это мне приснилось, я, записав все, передаю для публикации Ариду[2]. Что же касается оставшихся твоих и моих денег, я завещаю Сенату Гейдельберга, чтобы у входа на древний мост было помещено мое изображение.

---

[1] Речь идет о даме в карточной игре, благодаря которой Феликс выиграл. Но помогла не карта, а regina caeli. [*Прим. М. ф. А.*]

[2] Я издал, но сам не поверил. АРИДУС. — Я не верю, что это написала Обезьяна. БЕНТЛИ. — И то, что Аридус издал его. ГУСМАН. К этому присоединяются ИСТОРИКИ. Однако МНОГИЕ убеждены, что Арид издал книгу, а что обезьяна написала — только НЕКОТОРЫЕ.

LIBERATOREM nomino». Cui ego: «Equidem nihil egi; id tantum simiorum more imitatus sum, quod hominis officium est teste Cicerone: Homines enim ad deos nulla re propius accedunt quam salutem hominibus dando. Nolite igitur sperare vos ex indignissimis simultatibus summaque hominum dissimilitudine per simiae imitationem perventuros esse ad summam hominis similitudinem».

Noli tollere Simium,
  Felicissime, ad astra.
Qui nummos dedit, Atticum
  tu laudare memento.
Tu lauda dominam Crucis,
  qua victoria parta est,
quae terrae faciem novat
  antiqua Iside maior.
Lauda grammaticam quoque
  sermonemque Latinum,
qui nexos retegit dolos,
  fraudes dissipat omnes;
qui te compede liberat,
  multis reddit amicum;
quo doctus sapere ausus es
  fregistique catenas,
stans ut iudicio tuo
  tu mendacia vincas.

Iamque munere perfunctus meo beatorum insulas repetam vobis, mi Attice, omnia narraturus; quae tamen ne somniasse puter, litteris perscripta professori divulganda Arido trado[2]. Nummorum autem quod superest meorum tuorumve, Attice, senatui Heidelbergensium lego, ut in ipso Pontius Antiqui aditu imaginem meam ponant.

---

[2] Edidi, non credidi. ARIDUS. — Simium scripsisse non credo. BENTLEIUS. — Neque Aridum edidisse. HOUSMAN accedentibus HISTORICIS. Tamen Aridum edidisse librum crediderunt PLURIMI, simium scripsisse NONULLI.

ПРИМЕЧАНИЯ

К заглавию

***Генрих Кельнский** — Генрих Громбейн, художник просвещенный, образованный и гуманный.

К книге I

*** родовспомогательный** — относящийся к родовспоможению. Сократ применил этот термин к философии[xx]. Ведь наша Обезьяна родилась отчасти благодаря философам, отчасти вопреки им, более того, препятствия (подобно повивальным бабкам) содействуют успешности процесса.

***Луций** — то же самое имя, что носит и герой Апулея, Луций, который из человека превратился в осла, а из осла — в человека благодаря помощи Исиды. Ее Обезьяна мыслит как тень Царицы небесной.

***Аттик** — друг Цицерона и книгопродавец, и как бы «меценат», который, по свидетельству Симия, по полному праву живет на Островах блаженных.

*** Земля, разделенная на три части,** — вторая часть — это Советский Союз. Дело в том, что Обезьяна писала еще до разрушения Берлинской стены.

*** Острова блаженных** — сказочные места, в которых, по представлению греков, жили герои.

*** Междумирия** — места, где, согласно Эпикуру, жили бессмертные боги.

*** Порок, которым страдал Луций**, — любопытство.

*** Ты безумен.**

*** О ты, не знающий геометрии.**

*** Дитя мое.**

*** Диалектический.**

*** Да.**

К книге II

*** Подталкивающий к трудностям** — провоцирующий сомнения.

*** Latte** — молоко.

*** Lattino** — молочко.

*** Синьор** — господин.

APPENDIX

Ad titulum

Henricus Coloniensis — Heiner Grombein, pictor doctissimus et humanissimus.

Ad librum I

μαιευτικός — ad artem obstetriciam pertinens, cuius vim Socrates in philosophiam transtulit. Nascitur autem Simius noster philosophis partim adiuvantibus, partim obstantibus, immo (obstetricum more) obstando adiuvantibus.

Lucius — praenomen idem quod Lucii illius Apuleiani, qui ex homine asinus, ex asino homo factus est Iside adiuvante, quam Simius umbram atque figuram Reginae Caeli interpretatur.

Atticus — Ciceronis amicus et bibliopola et quasi «Maecenas», qui Simio teste iustissimo iure in beatorum insulis vivit.

Terra divisa in partes tres — pars secunda fuit imperium Sovieticum. Nam Simius ante murum Berolinensem sublatum scribebat.

Beatorum insulae — loca fabulosa, quibus Graeci heroas vivere putabant.

Intermundia — loca, quibus secundum Epicurum di immortales vivebant.

Vitium, quo olim Lucius laboraveram — curiositas.

μαίνει — furis.

ἀγεωμέτρητε — geometriae ignare.

ὦ τέκνον — mi puer.

διαλεκτικως — dialectice.

ναί — ita est.

Ad librum II

ἀπορητικός — ad angustias detrudens, vim dubitandi habens.

latte (Italice) — lac.

lattino (Italice) — parvum lac.

Signor (Italice) — dominus.

* **Inglese** — англичанин.

* **Spreschen Sie deutsch?** — Говоришь ли ты по-немецки?

* ***Goal, Tor*** — смысл объясняет Антонио Баччи (Словарь слов, трудно передаваемых на латынь. Изд. 4, Рим, 1963. С. 332): забить мяч в ворота (в сетку).

К книге III

* ***Эротикос*** — любовный.

* ***Сидеродромы*** — железные дороги.

* ***Теофания*** — облик, в котором является бог смертным; богоявление.

* ***Страбо*** — Валафрид Штро, мюнхенский профессор, глубокий знаток латинского языка.

* ***Патер Норбертус*** — отец Норберт. Здесь Обезьяна имеет в виду отца Свитберта Сидла, пылкого и бурного оратора, который сразу же начинал говорить с учениками по-латыни.

* ***Патер Гионей Дриолимний из Саарбрюкена*** — доктор Целестис Эйхензеер, вместе с [госпожой] доктором Сигрид Альберт издатель журнала «Латинское слово» и многих весьма полезных книг, ярый сторонник современной латыни.

К книге IV

* ***Катабасис*** — путь к преисподней.

К книге V

* ***Критикос*** — критик.

* ***Лусус пагинарум*** — карточная игра.

К книге VI

* ***Катартикос*** — обладающий способностью к очищению; очистительный.

К книге VII

* ***Анагогикос*** — ведущий вверх; восходящий от чувственных восприятий к интеллектуальным.

* ***Мусагеты*** — когда Обезьяна пишет о мусогетах (предводителях муз), имеет в виду специалистов в области латинистики: Яков Боровский, Йозеф Дельц, Освальд Дильке, Целестис Эйхензеер, Николай Федоров, Годо Либерг, Конрад Мюллер, Кевин Ньюмен, Болеслав Повсик, Клаус Зальманн, Свидберт Сидль, Вильфрид Штро. Жители же Гайхофена (Гюнтер Рейнгард и Петер Моммзен) упоминаются потому, что там по божественному волеизволению Обезьяна явилась Ариду и стала рассказывать ему о своей жизни. А теперь во всем мире столь-

Inglese (Italice) — Anglus, Anglicus.
Sprechen Sie deutsch? — Loquerisne Germanice (Theotisce)?
Goal, Tor — rem ita explicat A. Bacci (*Lexicon vocabulorum, quae difficilius Latine redduntur,* ed. quarta, Romae MCMLXIII, p. 332): follem in portam (in rete) ingerere.

Ad librum III

ἐρωτικός — amatorius.
σιδηροδρόμους — vias ferratas.
θεοφάνειαν — visum, quo deus se ostendit mortalibus; adventum dei.

Strabo — Walahfridus Stroh, professor Monacensis, vir Latinissimus.

Pater Norbertus — hic Simius de Patre Suitberto Siedl cogitabat, oratore ardenti et concitato, qui cum discipulis inde ab initio Latine loquebatur.
Pater Cyaneus Dryolimnius Saravipontanus — dr. Caelestis Eichenseer, una cum Doctrice Sigride Albert Vocis Latinae et multorum librorum perutilium editor, linguae Latinae hodiernae defensor acerrimus.

Ad librum IV

Κατάβασις — descensus ad inferos.

Ad librum V

κριτικός — criticus.
Lusus paginarum — lusus chartarum.

Ad librum VI

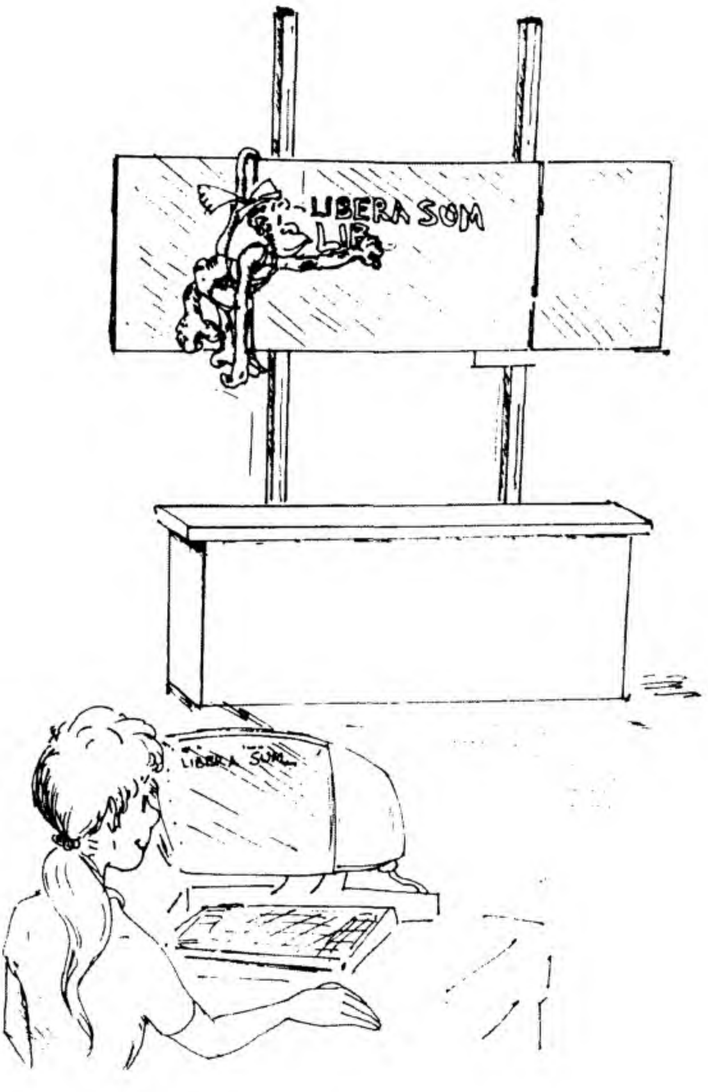
καθαρτικός — purgandi vim habens, lustralis.

Ad librum VII

ἀναγωγικός — sursum ferens, qui a sensibus subvehit ad intellectualia.
Musagetae: Simio, cum de «Musagetis» (Musarum ductoribus) scriberet, hi linguae Latinae cultores ante oculos obversabantur: Jakov Borovskij, Josef Delz, Oswald Dilke, Caelestis Eichenseer, Nikolaj Fedorov, Godo Lieberg, Konrad Mulier, Kevin Newman, Boleslav Povsic, Klaus Sallmann, Suitbert Siedl, Wilfried Stroh. Gaienhofenses autem (Günter Reinhart et Peter Mommsen) nominantur, propterea quod ibi Arido magistros docenti Simius divinitus apparuit et vitam dictare coepit. At nunc toto orbe terrarum tot sunt linguae Latinae defensores, ut nominatim

ко защитников латинского языка, что невозможно всех их назвать по именам. Обезьяна всем им шлет свой привет. И нет сомнения в том, что тебя, ученая читательница и любимая учительница, и тебя, замечательный читатель, если бы знал тогда, то тоже бы назвал, соревнуешься ли ты с Теренцием, Цицероном, Платоном, Бернардом Сильвестром, Рункением или Витрувием — ибо и среди архитекторов процветает латинский язык.

*****Ленинградец*** — теперь (как и прежде) петербуржец.

afferri non iam possint. Quos omnes Simius salvere iubet. Neque dubium est, quin te, lectrix docta doctrixque dilecta, et te, candide lector, si tum novisset, nominaturus fuerit, sive tu Terentium, sive Ciceronem, sive Platonem, sive Bemardum Silvestrem sive Ruhnkenium sive Vitruvium aemularis — nam etiam inter architectos floret lingua Latina.

Leninopolitanus — nunc (ut olim) Petropolitanus.

Примечания составителя
Commentarii compositoris

[i] *L.* = Lucius – обычное для Древнего Рима сокращение личного имени (praenomen).

[ii] *Зандхаузен* — так называется пригород Гейдельберга, где живет сам Михаэль фон Альбрехт.

[iii] *Арид Грамматик Гейдельбергский* — игра слов, имя собственное может читаться: «*сухой* гейдельбергский грамматик».

[iv] *donat dat dedicat* — дает, дарит, посвящает: формула посвящения.

[v] *Вильфрид Штро* — блестящий латинист, ученик М.ф. Альбрехта, профессор Мюнхенского университета. См. о нем: Альбрехт Михаэль фон. Путешествие моей жизни. М.; Лабиринт, 2010. С. 177—178.

[vi] Здесь и в следующей фразе иронические аллюзии на сочинение Г.Ю. Цезаря «Записки о Галльской войне» (Commentarii de bello Gallico), ставшее хрестоматийным и вошедшее в обязательный список текстов, изучаемых в гимназиях и классических отделениях университетов.

[vii] Намек на любопытство — порок главного героя «Метаморфоз» Апулея.

[viii] Здесь обыгрывается содержание первых книг «Метафорфоз».

[ix] Здесь и далее курсивом выделены фрагменты текста на греческом: они подчеркивают близость с платоновскими диалогами.

[x] *Негельсбах* (Карл-Фридрих Nägelsbach, 1806—1859) — немецкий филолог, профессор. Его «Lateinische Stilistik f. Deutsche» (Нюрнберг, 1846 и 1882) — ценное пособие при переводе с новых языков на латинский (существует русский перевод: М., 1875). Наиболее известно его методическое сочинение «Гимназическая педагогика», русский перевод которой представлен в отдельном издании (Ревель, 1889).

[xi] Триптолем — герой мифологических циклов, посвященных Деметре, которая подарила Триптолему запряженную драконами крылатую колесницу. По преданию, в Аттике с ним связано введение земледелия и распространение оседлой культуры.

[xii] Здесь игра слов на итальянском, основанная на сходстве звукового комлекса «латинский» (Latino) и «молочко» (Lattino), причем молодой человек сразу снижает «высокий стиль» Обезьяны до обыденности: «Латынь? Молоко? Без молока? Кофе!».

[xiii] Собаки, которые обитали в Риме и были, судя по описаниям, предками современных сенбернаров.

[ivx] *Лефевр Марсель Франсуа* (1905—1991) — католический архиепископ, критически относившийся к некоторым реформам Католической церкви. В 1988 году, после посвящения им четверых епископов без соответствующего разрешения Иоанна Павла II, Папа отлучил Лефевра от Церкви, ибо деятельность его привела к расколу (впоследствии анафема была снята Бенедиктом XVI).

[xv] «Ворота!» — то же, что и «Гол!»

[xvi] Намек на ученика М. фон Альбрехта, *Вильфрида Штро*. Здесь лингвистическая игра: латинизированные имя и фамилия В. Штро звучат как *Валафрид Страбон*; так же звали известного средневекового поэта (IX в.) Валафрида Страбона (Strabo).

[xvii] Здесь намек на значение aridus — сухой или скучный.

[xviii] Тут игра слов: корень в Librilibrator можно понять как книга (liber) или как весы (libra).

[xix] Перечислены имена реальных филологов-классиков из разных стран Европы, в частности Яков Ленинградец из России — это известный филолог Яков Боровский, Исайя Москвич — профессор кафедры классической филологии Исай Михайлович Нахов.

[xx] Имеется в виду *майевтика* как «помощь в нахождении истины».

ПРИМЕЧАНИЯ К ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕ

[A] Раздел для младшего возраста: Животное, друг.

Все люди, и старые и молодые, хотят иметь домашних животных, поэтому ЮНЕСКО в 1978 году, в Париже, выпустило «Декларацию прав животных».

Завести домашнее животное: почему?

Из существующих на нашей планете пород домашних животных в Соединенных Штатах Америки находится около 40 %. А собак во всем мире 59 млн, кошек же 75 млн. Домашние животные очень полезны. Благодаря им пожилые люди легче переносят одиночество, потому что приобретают себе доброго друга, молодым же приятно, что у них есть товарищи по играм.

Животные очень полезны для поддержания здоровья. В «Журнале психосоматической медицины» называются следующие преимущества: «Если у тебя есть животное, то улучшается артериальное давление, улучшается сердечный ритм и общее настроение. Если ты постоянно находишься в волнении, то животное тебя способно утешить».

Собака, мой друг

Собака является для человека лучшим другом. Собака нуждается в хозяине и требует многого, так что владельцы собак должны потрудиться, потому что собаку нужно кормить, мыть, выгуливать. И это полезно для хозяина, который таким образом и сам выходит на прогулки и общается с людьми.

Кошка, мой друг

Кошка очень умное животное, знающее много различных способов общения. Если она мурлычит, значит, чувствует себя хорошо и довольна. Если она мяучит, что-то у нее не в порядке: или ей хочется есть, или ей холодно, или ей хочется спать, или нужно, чтобы ее приласкали. Если она воет — значит, она боится. Если опускает уши, а шерсть встает дыбом — это признак гнева. Если она шевелит хвостом — это знак приветствия.

Попугай, мой друг

Это птица красочная... как говорится. Некоторые из них не могут содержаться дома или потому, что они слишком большие (ара), или потому что они слишком хрупкие (какаду). Попугай — умная птица.

ADNOTATIONES AD PRAEFATIONEM

Animal, amicus

Omnes, et seniores, cupiunt animal domesticum habere. Quare UNESCO anno 1978 Parisiis edidit "Declarationem iurum animalium".

Animal domesticum habere: cur?

In Foederatis Civitatibus Americae sunt circiter quadraginta centesimae partes omnium animalium domesticorum, qui in orbe terrarum numerantur. Sunt autem 59 milliones canum et 75 milliones cattorum. Animalia domestica sunt valde utilia. Senes enim solitudinem facilius patiuntur, cum bonum habeant comitem, et iuniores gaudent quod collusorem habent.

Animalia etiam prosunt valetudini. In «Diario medicinae psychosomaticae» enumerantur haec emolumenta: si animal habes, habes etiam meliorem tensionem arteriarum, meliorem cordis rhythmum et meliorem animum. Si es semper agitatus, animal te placat.

Canis, amicus meus

Canis homini est optimus amicus. Canis domino eget et multa exigit. Ei, qui canem habet, laborandum est: nam canis est nutriendus, lavandus, circumducendus. Et hoc etiam prodest domino, qui sic ambulat et homines convenit.

Cattus, amicus meus

Cattus est animal valde ingeniosum. Habet varios modos communicandi. Si susurrat, bene se habet, est contentus. Si maumat, aliquid non bene se habet: aut esurit, aut friget, aut somno eget, aut mulceri cupit. Si ululat, timet. Si aures demittuntur, si pili horrent, est signum irae. Si caudam agitat, est signum salutandi.

Psittacus, amicus meus

Ecce animal coloratum... quod loquitur. Nonnulli domi servari non possunt, sive quia sunt nimis magni (Ara), sive quia sunt nimis fragiles (Cacatoes). Psittacus est animal intellegens. Cottidie est docendus: ei

Его следует учить каждый день. Ему интересно играть с цепочками, с веревочками, с веточками деревьев. Если он хорошо себя ведет и слушается, нужно его наградить за это, например, дать кусочек яблока. Никогда не сажай его на свое плечо — тогда он считает себя господином и таким образом и ведет себя. Лучше держи его на руке.

Словарик

Почему: по какой причине
Сорок сотых частей: 40 %
Приятель: товарищ по играм
Помогать: быть полезным
Водить кругом: заставлять гулять
Гладить: нежно касаться
Веточка: маленькая древесная ветка
Кусочек: маленькая часть

(*«Ювенис», XXVIII, 3, с. 6—7, www. elimagazines.com*)

в Раздел для подростков: «*О некоторых местах мира и увлечениях.* **Лиу и музыка**».

В этом месяце мы встретимся с молодым китайцем Лиу. Он живет в Шанхае и увлекается так же, как вы, музыкой.

Кто я?
Имя: Лиу.
Город: Шанхай в Китае.
Сколько мне лет: семнадцать
Самая любимая актриса: Занг Зии
Самый любимый музыкант: Bono (U2)
Любимое занятие: долгими часами заниматься музыкой с друзьями.

Что мне не понравится: у меня не будет денег, чтобы отправиться в длительное путешествие.

Шанхай

Шанхай — поистине исключительный город. Это самый населенный город Китая. И кроме того, он представляет собой огромный торговый перекресток. Однако двести лет тому назад Шанхай был совершенно незначительным городком, а теперь это город, где приходится много работать, ибо у жителей в течение года бывает только три праздничных дня! Город характеризуют громадные современные небоскребы, в которых располагаются банки и *Shanghai International Circuit* — самый совершенный во всем мире и замечательный автодром.

conveniunt ludi cum catenis, cum chordis, cum ramusculis. Si bene agit et oboedit, oportet praemium ei dare, sicut frustulum pomi. Noli umquam eum in humero tuo ponere: nam tum putat se esse dominum, atque sic se gerit. Pone eum potius in bracchio.

Glossarium

quare: hac de causa
quadraginta centesimae partes: 40 %
collusor: amicus quocum ludis
prodesse + dat.: esse utilem
circumducere: facere ut ambulet
mulcere: dulciter tangere
ramusculus: parvus arboris ramus
frustulum: parva pars

(*«IUVENIS», An. XXVIII, Fasc. 3, p. 6—7*)

Liu et musica. *Aliqui locus, aliquod studium.*

Hoc mense iuvenem Sinensem convenimus: Liu. Liu vivit Sanghaevi (Shanghai) et eius studium certe etiam est vestrum: musica.

Quis sum?
Praenomen: Liu
Urbs: Shangai in Sinis
Quot annos natus: 17
Actrix, quam maxime amo: Zhang Ziyi
Musicus, quem maxime amo: Bono (U2)
Libenter: per multas horas musicam cum amicis exerceo.

Minus libenter: pecunia careo, qua longinqua itinera facere possim.

Sanghai

Est urbs vere singularis. In totis Sinis est urbs maxime frequens et est etiam ingens emporium. Attamen ante ducentos annos Sanghaeverum fuit oppidum nullius ponderis. Nunc autem est urbs... ubi multum laboratur! Nam incolae quotannis habent solum ternos dies feriatos! Insignia urbis sunt moderna caeliscalpia, in quibus sunt mensae argentariae, et *Shanghai International Circuit*, autodromus in toto orbe terrarum maxime modernus et extraordinarius.

Мегаполисы

Так называются огромные города. Возможно, в 2018 году во всем мире будет тридцать три мегаполиса. Шанхай — один из них. На его территории живет 16 млн жителей, 3 млн из которых неграмотны и более 5 млн — бедняков, которые иммигрировали сюда и работают здесь за гроши.

Увлечения

Я увлекаюсь музыкой. Начал играть на гитаре в шесть лет. С несколькими друзьями мы создали музыкальную группу под названием «Шаша». Прежде всего, мы исполняем песни знаменитых певцов, U2, REM, Police. Таким образом мы учим и английский язык. Несколько месяцев тому назад мы устроили музыкальное выступление группы в спортивном зале нашей школы. Как мы волновались! Мы хорошо подготовились и провели много репетиций. Как мы дрожали! Накануне ночью я не мог спать. Когда же концерт закончился, успех был колоссальный. Мне очень хочется стать музыкантом.

Словарик

и.к.: имя которого, как зовут
волнение: возбуждение, треволнение
частотный: зд. многолюдный
ежегодно: каждый год
небоскреб: высочайшее здание
удовольствие: наслаждение

(*«Ювенис», XXVII, 23, с.10; www.elimagazines.com*)

^с Для поступающих:

Академия Новый Виварий[1]

...Имя Новый Виварий не только возрождает в памяти монастырь, основанный Кассиодором, управляющим Теодориха, в котором собирались и объединялись все, кто стремился заниматься гуманитарными науками и воспарять к высотам духа, но также вызывает воспоминания об острове Виваре, расположенном в Неаполитанском заливе, на котором было принято решение основать школу, в ней молодые люди готовились бы к познанию подлинной и высокой гуманности, благодаря чему нравы, освобождаясь от состояния рабского и безобразного подчинения, как нам кажется, сохраняют свою ценность.

---

[1] Vivarium — место сохранения живых существ, животных, птиц, растений, т.е. садок, пруд и проч.

Megalopoles

Sic vocantur maximae urbes. Ut videtur, anno 2015 in orbe terrarum erunt 33 megapoles. Sanghaeverum est una ex eis. In eius territorio vivunt 16 miliones incolarum, inter quos tres miliones sunt illiterati et amplius quinque miliones sunt pauperes, qui huc immigraverunt et pro paucis nummis laborant.

Studium

Studium meum est musica. Cithara canere incepi cum essem sex annos natus. Cum nonnullis amicis gregem musicum condidimus, c.n. Shasha. Praesertim canimus cantilenas cantorum clarorum, U2, REM, Police. Sic etiam Anglice discimus... Ante nonnullos menses primum concentum musicum fecimus in scholae nostrae gymnasio. Quanta animi commotio! Nos bene praeparavimus et multas exercitationes fecimus! Quanta trepidatio! Nocte superiore dormire non potui. Tunc demum factus est concentus: sucessus ingens! Maxime cupio musicus fieri.

Glossarium

c.n.: cui nomen est, qui vocatur
commotio: concitatio, perturbatio
frequens: ubi multi habitant
quotannis: unoquoque anno
caeliscalpium: altissimum aedificium
oblectamentum: delectatio

(*"Iuvenis", An. XXVIII, Fasc. 3, p. 10*)

Academia Vivarii novi

...Nomen, quod est Vivarium novum non modo illius coenobii a Cassiodoro, Theoderici magistro officiorum, conditi memoriam refricat, in quo conspirarunt atque convenerunt humanarum litterarum cultus et animi alta magnaque expetentes; verum etiam eam insulam Vivaram revocat, in sinu Neapolitano sitam, ubi primum initum est consilium scholam condendi, in qua iuvenes ad veram sublimemque humanitatem informarentur qua a deformi illo atque servili morum, qui identidem in pretio videntur esse, obsequio penitus expedirentur.

Об экскурсиях и занятиях во время путешествий

Литература и культура в Академии изучаются не только в обычных аудиториях, но также во время экскурсий к самым удивительным достопримечательностям, расположенным в Лации или в Капани, эти места представляют интерес благодаря памятникам прежних веков, и ныне вызывающим восхищение. Здесь мы не только слышим, но и собственными глазами видим, можем прикоснуться и способны ощутить образ жизни древних.

Как правило, учащиеся посещают великолепные, потрясающие и прекраснейшие музеи Рима, их привозят в Остию, Тибур, а также в Пестум, Байи, Кумы, Помпеи, Стабии, Геркуланум, наконец, в Неаполитанские музеи, где они могут представить в своем сознании как можно более живо материальную и духовную культуру греков и римлян.

О местоположении

Академия располагается в Риме — Вечном городе, в просторном здании, которое может принимать ежегодно множество учеников. Здание Академии окружено прелестным садом. Академия оборудована всеми приборами и инструментами, необходимыми для процесса обучения. Помимо множества спален, есть залы и атрии, большие и малые аудитории, достаточно вместительная библиотека, в которой находится около 40 тысяч томов, компьютеры и аудиовизуальные средства, кухня и обширная столовая, плавательный бассейн и площадки для игр.

Свидетельства

Я считаю очень важным появление этой выдающейся школы, благодаря которой раскрываются корни нашей Европы и те источники, из которых весь человеческий род может почерпнуть гуманитарную культуру. Все это дает очень много для воспитания юношества, и не только в обучении языкам, но и, что гораздо важнее, в приобщении их к гуманитарной культуре. Впрочем, что касается Европы и гуманитарной культуры, я почти полностью потерял надежду. Однако, с тех пор как узнал об этом Новом Виварии, я вновь получил основание глубоко надеяться. Ведь вы начали дело серьезное и поистине полезное, которое, дай Бог, стало бы началом нового века, и не только возраждающегося просветительства, но и источником новой и более плодотворной гуманитарной культуры.

Михаэль фон Альбрехт, профессор гейдельбергского университета (Луиджи Миралья. Академия Вивариум Новум. — Рим, 2010. С. 5, 10, 11, 14)

D Условия приема учащихся

Ученики, принимаемые в Академию, должны придерживаться определенных норм поведения, которые вкратце могут быть изложены следующим образом:

De excursionibus et scholis, quae in itineribus habentur

Nec tamen in conclavi dumtaxat scholastico litterae et humanitas in Academia nostra coli consueverunt, verum etiam — crebris excursionibus ad pulcherrima loca sive in Latio sive in Campania sita, quae alicuius sint momenti propter ea, quae in iisdem admirari liceat, superiorum aetatum monumenta — non solis verbis, sed re ipsa antiquorum ferme animos eorumque vitam videmus, attingimus, experimur.

Discipuli enim adduci solent tum ad Urbis mirabilia eiusdemque magnifica ac locupletissima cimelarchia, Ostiam, Tibur, tum etiam Paestum, Baias, Cumas, Pompeios, Stabias, Herculaneum, ad musea denique Neapolitana, quo vividiorem Graecorum Romanorumque humanitatis et civilis cultus imaginem mente sibi fingere queant.

De sede

Academiae sedes Romae, in Urbe aeterna, sita est, in aedibus magnis et amplis, in quibus quotannis multi discipuli excipi possunt. Aedificium viridariis circumdatur amoenissimis, et omni instrumento est praeditum scholae necessario: praeter enim cubicula multa, sunt ibi atria et oeci magni, auditoria maiora et minora, sat magna bibliotheca, qua ad quadraginta milia voluminum continentur, instrumenta computatoria et audiovisifica, culinae et triclinium amplissimum, natabulum et campi lusorii.

Testimonia

Maximi aestimo scholam hanc eximiam, qua aperiuntur et radices Europae nostrae et ii fontes, unde totum genus humanum veram humanitatem haurire possit. Quae omnia plurimum conferunt ad iuvenes educandos et non solum linguis, sed etiam, id quod maius est, humanitate imbuendos. Equidem de Europa et de humanitate paene desperaveram, sed ex quo Vivarium hoc novum cognovi novam summamque spem concepi. Nam rem seriam et vere bonam instituistis, quae utinam fiat initium novi aevi non solum litterarum renascentium sed origo novae atque felicioris humanitatis.

Michael von Albrecht, studiorum universitatis Heidelbergensis
(Aloisius Miraglia. Academia Vivarii Novi.—
Roma, MMX. P. 5, 10, 11, 14)

Quomodo discipuli admittantur

Discipuli, qui admittantur, normas quasdam vivendi et agendi observare tenentur, quae breviter ita perstringi possunt:

– Не допускаются алкогольные напитки, любые возбуждающие средства, курение никотиносодержащих папирос и сигарет.

– Допускается только классическая музыка.

– Категорически запрещается непристойное поведение (непристойные выражения в разговорах, в учебных спектаклях, письмах и тому подобное).

– В соответствии с известным высказыванием Сенеки («Нравственные письма к Луцилию», V,1) мы настойчиво напоминаем всем юношам, находящимся у нас, чтобы исключили демонстративные формы поведения, вызывающую одежду и тому подобное, чтобы не «подражать тем, которые хотят не пользы, а видимости».

– Необходимо соблюдать нормы личной гигиены.

– Следует выполнять распорядок дня (куда входят часы завтрака, обеда и ужина, а также учебных занятий).

Желающего поступить в Академию просим написать по адресу: accademia@vivariumnovum.it. В письме нужно указать:

1. Имя и фамилию;
2. Где и когда родился;
3, Какие предметы изучал в школе или в университете;
4. Как давно занимаешься латинским языком;
5. Каких писателей и какие произведения уже прочитал;
6. Основные предпочтения и увлечения.

Письмо с фотографией нужно отправить до 30 июня каждого года.

(Указ. соч. С. 18.).

[E] Ситуация знакомства:

...Степан. Михаил. Входит первый участник.

С. Здравствуй!

М. Здравствуйте!

С. Как тебя зовут?

М. Меня зовут Михаил. А тебя Степан?

С. Да.Ты первым приехал. Откуда ты?

М. Я из Гамбурга.

С. На чем ты приехал?

М. На поезде.

С. Сначала мы покажем тебе твою комнату, а потом весь дом. Это одноместная комната. Входи!

Михаил со Степаном заходят в первое помещение.

С. Это твой номер. Он одноместный. Здесь есть кровать, стол, стулья, шкаф. Есть и раковина для умывания. А вот мыло и полотенце.

М. Спасибо. Мне очень нравится вид из окна.

С. Действительно, красивый. Сегодня небо ясное и светит солнце.

– Non admittuntur potiones alcoholicae, quaelibet medicamina stupefactiva, fistulae et bacilli nicotiani.

– Modi musici classici tantum coluntur.

– Nullo modo admittuntur obscena (neque verba in colloquiis, in spectaculis, in scriptis, neque alia ullius generis).

– Iuxta illud Senecae (Ep. ad Luc., V, 1) admonemus omnes iuvenes nobiscum conversantes ne eorum more qui non proficere sed conspici cupiunt, faciant aliqua quae in habitu aut genere vitae notabilia sint.

– Servandae sunt normae hygienicae, quae dicuntur.

– Sunt quaedam horae statutae servandae (ientaculi, prandii, cenae, scholarum).

Si quis velit nomen suum Academiae dare, scribat quaesumus ad accademia@vivariumnovum.it. In epistula discipulo indicanda sunt haec:

1. Nomen et nomen gentilicium
2. Quando et ubi natus sit
3. Quae studia perfecerit in schola sive in studiorum universitate
4. Quamdiu linguae Latinae studuerit
5. Quos scriptores quaeque opera iam legerit
6. Quae sint cetera studia et oblectamenta eius praecipua

Litterae, quibus imago photographica adicienda est, mittendae sunt ante diem xxx mensis Iunii cuiusque anni.

(Ibid. P. 18.)

... Stephanus. Michael. Primus particeps advenit.

St. Salve!

Mi. Salvete!

St. Quid est tibi nomen?

Mi. Michael est mihi nomen. Esne tu Stephanus?

St. Sum. Tu primus advenisti. Unde venis?

Mi. Hammaburgo venio.

St. Quo vehiculo iter fecisti?

Mi. Tramine ferriviario adveni.

St. Tibi primo conclave tuum monstrabo. Deinde domum quoque tibi monstrabimus. Veni!

Michael cum Stephano in primum tabulatum ascendit.

St. Hoc est conclave tuum. Est conclave unius lecti. Insunt lectus, mensa, sella, armarium. Etiam labellum adest. Hic sunt sapo et mantele.

Mi. Gratias tibi ago. Prospectus e fenestra mihi placet.

St. Revera pulcher est. Hodie caelum serenum est et sol splendet.

М. Видишь там, возле поселка, реку?

С. Вижу...[]

Затем Степан дает Михаилу ключ от комнаты.

С. Этим ключом открывается также и наш дом.

М. Спасибо. А где ванная?

С. Ванная рядом с комнатой. Я тебе покажу.

Степан показывает Михаилу ванную.

М. Подожди меня немножечко.

Михаил входит в ванную, Степан ждет. Спустя некоторое время Михаил возвращается.

М. Теперь покажи мне дом.

Михаил и Степан спускаются на первый этаж, Степан открывает двери.

С. Вот это столовая. Здесь мы скоро будем обедать. Стол уже накрыт.

М. Когда обед будет?

С. В восьмом часу. Там в холодильнике напитки. Если хочешь, бери.

Михаил берет воду.

С. Кстати, телефон тут рядом с дверью, если хочешь поговорить с родителями.

М. Отлично. Я хотел бы позвонить приятелю.

Михаил и Степан входят в другую комнату.

С. Вот это как бы наша гостиная. Здесь есть и телевизор. Если захочешь что-нибудь вечером посмотреть, приходи сюда.

М. Спасибо, но сейчас мне не хочется ничего смотреть. Я предпочитаю прогуляться и пойти в сад.

С. Хорошо. Тогда пойдем на улицу.

М. А где будут семинары?

С. Все занятия будут в другом здании, которое мы покажем тебе позже.

(*Майер Р., Гофман М., Зальманн К., Мар С., Трагезер С., Раухер Д., Гольцхаузер Т.* ЗДРАВСТВУЙ, ПЕРЕЦ. «Европейские исследования латинистики», Франкфурт-на-Майне, 1992—1998. С. 14, 16)

F Предметная лексика — одежда:

Гюнтер и Лиза на летних каникулах в этом году хотят отправиться к Адриатическому морю. За несколько дней до отъезда они обсуждают, какую ***одежду*** должны взять с собой.

Л. Скажи мне, какую одежду нам нужно взять с собой?

Г. Уже сейчас? Ведь мы уезжаем в субботу, а сегодня только четверг.

Л. Сама знаю. Но еще я должна все выстирать и, по крайней мере, погладить ***рубашки***.

Mi. Videsne fluvium ibi prope vicum?

St. Video... []

Nunc Stephanus Michaeli elavem conclavis dat.

St. Hac clavi etiam ianua domus nostrae aperitur.

Mi. Gratias tibi ago. Ubinam balneum est?

St. Balnea iuxte conclave est. Tibi monstrabo.

Stephanus Michaeli balneum monstrat.

Mi. Exspecta me paulisper!

Michael balneum intrat. Stephanus exspectat. Paulopost Michael revenit.

Mi. Nunc mihi domum monstra!

Michael et Stephanus descendunt. Stephanus fores aperit.

St. Haec est cenatio. Hic postea cenabimus. Mensae iam exstructae sunt.

Mi. Quando cena erit?

St. Erit hora octava. Ibi in refrigeratorio potiones sunt. Si vis, sume aliquid!

Michael aquam sumit.

St. Ceterum, telephonum hic iuxta portam est, si velis hodie cum parentibus telephonare.

Mi. Optime! Nam etiam cum amico meo telephonare volo.

Stephanus et Michael aliud conclave intrant.

St. Hoc est quasi medianum domus nostrae. Hic etiam televisorium est. Si vesperi aliquid spectare vis, huc veni!

Mi. Gratias tibi ago, sed in praesenti nihil spectare mihi in animo est. Malo foras in hortum ire.

St. Bene! Ergo nunc foras exeamus.

Mi. Ubi colloquia erunt?

St. Institutiones in alio aedificio erunt, quod tibi postea monstrabimus.

(*Maier R., Hofmann M., Sallmann K., Mahr S., Trageser S., Rauscher D., Gölzhäuser Th.* PIPER SALVE, Europailische Lateinwochen, Francoforti ad Moenum,1992—1998. P. 14, 16)

Guntherus et Lisa ferias aestivas hoc anno ad mare Adriaticum peragere volunt. Nonnullis diebus, antequam proficiscuntur, deliberant, quae vestimenta secum ferre debeant.

Li. Dic mihi quae vestimenta nobiscum feramus necesse sit!

Gu. Iam nunc? Proficiscemur die Sabbati et hodie tantum dies Martis est.

Li. Bene scio! Debebo autem omnia adhuc lavare et camisias saltem levigare.

Г. Надо подумать. Мы должны взять ***плавки***.

Л. Конечно. Ты возьмешь две пары плавок, впрочем, я приготовила *купальник* для себя и ***плавки*** для тебя. Думаю, что ***купальные шапочки*** нам не понадобятся.

Г. Ты права. Однако ***банные халаты*** мы с собой возьмем. Кроме того, думаю, что нужно взять две пары ***шорт*** и одни ***джинсы***.

Л. Только одни ***джинсы***? Полагаю, что лучше взять три пары джинсов.

Г. Хорошо, хорошо. Я возьму две пары ***джинсов***. Как думаешь, мне хватит четырех ***рубашек***?

Л. Не думаю. Возьмем семь.

Г. Семь **рубашек** на две недели? А я не хочу все время носить ***рубашки***.

Л. Помолчи! Всегда случаются моменты, когда рубашка необходима. Ты должен еще взять ***шерстяной джемпер***. А что мне взять? Думаю, что одного платья, одной ***юбки*** и нескольких шорт будет достаточно. Может быть, я возьму еще одни ***джинсы***. Что скажешь? Брать ли мне новое ***платье***?

Г. Не думаю, что это необходимо, поскольку почти все время мы будем на пляже. А новое ***платье*** кажется мне слишком ***нарядным***.

Л. Но, может, мы съездим в какой-нибудь шикарный городок или пообедаем в известном ресторане?

Г. Если хочешь, бери новое платье с собой.

Л. Я еще положу в чемодан ***куртку*** и ***шерстяной свитер***.

Г. Ты действительно думаешь, что на берегу Адриатического моря в это время будет так холодно?

Л. А кто знает?

Г. Во всяком случае гораздо полезнее ***колготки*** и ***трусы***.

Л. Не забыть бы нам ***пижамы*** и ***ночные рубашки***. А я ведь чуть не забыла про ***пижамы*** и ***ночные рубашки***. Я сейчас же положу их в ***стиральную машину.***

Г. Мне кажется, нужно постирать и мои ***плавки***. А где все мои ***носки***? Я помню, что у меня их было довольно много.

Л. Если бы ты лучше смотрел в ***шкаф***, ты бы их нашел.

Г. Я обшарил все ***шкафы***, но их нигде нет.

Л. Может быть, несколько пар до сих пор висят на веревке и сушатся?

Г. Все ли необходимое из одежды мы вспомнили? Похоже, не хватает только ***кроссовок***. Я хочу взять с собой две пары ***обуви***.

Л. И я тоже. А сейчас поедим немножечко, прежде чем обсудить остальное».

(Указ. соч. С.54—55; тематическая лексика выделена мной. — *Е.Ф.*)

Gu. Sine cogitem! Subligaria balnearia nobiscum ferre debemus.

Li. Scilicet! Tu duo subligaria balnearia tecum feres, equidem vestem balnearem et subligaria balnearia colligam. Pilleis balneatoriis ut puto nobis opus non erit.

Gu. Recte dicis. Sed amicula balnearia quoque nobiscum feramus. Praeterea equidem binas bracas breves et singulas bracas prolixas mecum ferre in animo habeo.

Li. Solummodo singulas bracas prolixas? Melius existimo te trinas bracas prolixas ferre.

Gu. Bene, bene! Ergo binas bracas prolixas feram. Putasne camisias quattuor satis esse?

Li. Non puto. Feramus septem camisias.

Gu. Septem camisias pro duabus septimanis? Nolo equidem semper camisias induere!

Li. Fac taceas! Sunt semper occasiones, in quibus camisia tibi opus erit. Etiam strictoriam laneam tecum ferre debes. Quae vestimenta ego mecum feram? Puto unam vestem muliebrem et unam gunnam singulasque bracas breves sufficere. Fortasse etiam singulas bracas prolixas mecum feram. Quid ais? Debeone vestem novam mecum portare?

Gu. Non necessarium puto, quia plerumque in litore erimus. Vestis nova vero nimis elegans mihi videtur.

Li. Sed fortasse oppidum elegantissimum visitabimus vel in caupona nobili cenabimus.

Gu. Si vis, fer vestem novam tecum!

Li. Etiam pelusiam et thoracem laneum in vidulum mittam.

Gu. Putasne revera ad mare Adriaticum hoc anno tam frigidum fore?

Li. Nemo scit.

Gu. Maioris momenti utcumque tibialia et subligaria erunt.

Li. Vestes dormitorias quoque et camisias nocturnas ne obliviscamur! O, nunc paene oblita sum vestes dormitorias et camisias nocturnas lavare. Cras eas statim in machinam lavatoriam mittam.

Gu. Puto etiam nonnulla subligaria mea lavanda esse. Ubi ceterum omnia impilia mea sunt? Recordor plura me habuisse...

Li. Si melius armarium inspiceres, invenires!

Gu. Armaria iam bene inspexi, sed non inveni.

Li. Fortasse etiam adhuc aliquot paria foris de funiculis pendent, ut siccentur.

Gu. Omniane vestimenta necessaria iam enumeravimus? Solummodo calceamenta deficere videntur. Ego duo paria calceorum et soleas mecum ferre volo.

Li. Ita ego quoque faciam. Nunc primo aliquid edamus, anteaquam de aliis rebus statuamus.

(Ibid. P. 54—55).

[G] Тематический фрагмент — подготовка к путешествию:

Урсула планирует предпринять путешествие в Италию. И там повидаться с некоторыми друзьями. А теперь размышляет, что положить в чемодан.

У. Я проведу в Италии две недели. Мне нужно взять с собой многое. Там есть дискотеки. Поэтому положу в чемодан браслет, кольца, клатч. Подай, пожалуйста, браслет. Спасибо.

Мама. А зачем тебе браслет? Есть вещи поважнее. Лето прошло. Сейчас уже октябрь. Может быть, будет холодно и дождливо. Не забудь шерстяной свитер и плащ.

У. Ты говоришь, как наша бабушка. В Италии почти всегда небо ясное. Солнце улыбается. Тепло.

М. Несколько лет тому назад, осенью, я была в Риме. Небо всю неделю было затянуто облаками. Из-за дождя мы даже не побывали на римском Форуме. И тебе, конечно, очень нужен будет зонтик. Но если оставишь его дома, там уже не достанешь.

У. Это правда. Но если на самом деле пойдет дождь, я смогу купить его там. А вот сейчас мне нужен правильный совет. Я не смогу взять все, в чемодане не так много места, а мне нужно много вещей. Например, необходим радиоприемник и плейер.

М. Тебе целую телегу нужно, чтобы все это унести!

У. Так что ж мне оставить дома?

М. Во всяком случае, не забудь деньги, проездной билет и билет на поезд.

У. Мам, ты права. Но куда ты положила мой проездной?

М. Я его и в руки не брала. Он наверняка лежит там, где выскользнул у тебя из рук, когда ты вернулась из Англии. Проверь все ящики письменного стола.

У. Я пока не смотрела. Нужно помнить еще и о льготном талоне для молодежного общежития.

М. Но ты же говорила, что будешь ночевать у друзей?

У. Это так. Но, может быть, на несколько дней мы поедем по окрестностям и заночуем в молодежных гостиницах.

(Указ. соч. С. 58)

Ursula iter in Italiam facere sibi proposuit. Ibi nonnullos amicos visitabit. Nunc cogitat, quid in vidulo ponat.

Ur. Duas septimanas in Italia ero. Mihi opus erit multis rebus. Ibi sunt nonnullae discothecae. Qua re armillam, anulos, riscum in vidulo ponam. Da mihi armillam, quaeso! Gratias.

Ma. Quid tibi opus est armilla? Sunt res maioris momenti. Aestas iam praeteriit. Est mensis October. Fortasse iam frigidum erit et pluet. Noli oblivisci thoracem laneum et pallium!

Ur. Loqueris ut avia nostra. In Italia paene semper caelum serenum est. Sol ridet. Calidum est.

Ma. Ante aliquot annos tempore autumni Romae versabar. Caelum per totam septimanam nubilum erat. Propter imbrem ne Forum Romanum quidem visitavimus. Umbella valde egebis, sed carebis si domi reliqueris.

Ur. Ita sit, ut dixti. Sed umbellam, si revera pluet, ibi emere potero. At nunc bono consilio egeo: Omnia mecum ferre non potero. Spatium in vidulo non tam magnum est, sed multis rebus cotidie utor. Necessaria sunt exempli gratia radiophonum et casetophonum.

Ma. Plaustro tibi opus erit, ut omnia portes.

Ur. Quid autem domi relinquam?

Ma. Noli utcumque relinquere pecuniam neque syngraphum viatorium neque tesseram traminis!

Ur. Recte dicis. Ubi syngraphum meum deposuisti?

Ma. Ego syngraphum tuum ne tetigi quidem. Certe adhuc eodem loco iacet quo tibi e manu elapsus est, cum e Britannia revertisses anno praeterito. Iamne inspexisti omnes loculos mensae scriptoriae tuae?

Ur. Nondum. Etiam tessera deversoriorum iuventutis recorder oportet.

Ma. Mihi quidem dixisti te apud amicos pernoctaturam esse.

Ur. Ita est, sed fortasse per aliquot dies circum vehemur ideoque in deversoriis iuventutis pernoctabimus.

(Ibid. P. 58.)

Международное значение латинской культуры

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ЛАТИНСКАЯ НЕДЕЛЯ В АМЕНЕБУРГЕ

Вас, школьники, студенты, учителя, любители латинского языка, приглашаем на *Латинскую неделю в Аменебурге.* Учитесь говорить по-латыни! Познакомьтесь с людьми из разных стран. Ваши занятия латынью дадут результаты. Здесь вы будете упражняться и совершенствоваться в латыни в разговорах между собой, в играх, за общей трапезой. Мы хотим показать вам новый подход к изучению римской и европейской культуры. Латинский язык до сих пор имеет значение как для изучения текстов по истории мировой культуры, так и для повседневной жизни. А также мы займемся римским кулинарным искусством, чтобы познакомиться с этой приятной стороной римской жизни. А помимо всего, это очаровательное место доставит вам удовольствие — оно располагает к прогулкам. Привозите с собой, если вам того захочется, музыкальные инструменты. А если хотите узнать побольше, звоните нам по следующему телефону... Вас приветствуют В. Бомгаммель, Х. Флиднер, Т. Гольцхаузер, Д. Харборт, К. Хилле, М. Хофман (www.septimanalatina.org).

Latinitatem Inter Nationes [colamus]

VICESIMA SECUNDA SEPTIMANA LATINA AMOENEBURGENSIS

Vos, discipuli, studiosi, magistri sermonisque Latini amatores ad *Septimanam Latinam Amoeneburgensem* invitamus. Discite Latine loqui! Cognoscite homines e diversis nationibus! Studia Latina vestra fructus ferent. Hoc inter colloquia, ludos, convivia experiemini et exercebitis. Novum aditum ad cultum Romanum atque Europaeum demonstrare volumus. Sermo Latinus quam ad litteras per saecula exprimendas tam in vita cotidiana adhuc valet. Etiam rem coquinariam Romanam colemus, ut iucundam partem vitae Romanae antiquae cognoscamus. Praeterea locus vere amoenus vos delectabit et ad ambulationes invitabit. Apportate etiam, si vobis placet, instrumenta musica! Si plura scire velitis, telephonate ad... Vos salutant W. Bohmhammel, H. Fliedner, Th. Gölzhäuser, D.Harbort, K. Hille, M. Hofmann (www.septimanalatina.org).

СОДЕРЖАНИЕ

Е.С. Федорова. Михаэль фон Альбрехт и «современная латынь» в современном мире ... 3

В итоге. Перевод на латинский: Н.А. Федоров ... 16

Михаэль фон Альбрехт. О гейдельбергской обезьяне ... 19

Предисловие ... 20

КНИГА I. Почему я стал обезьяной? Она же родовспомогательная ... 23

КНИГА II. О таинствах современного Рима, заводящая героя в тупик ... 35

КНИГА III. О живой латыни, каковая еще и о языке любви ... 49

КНИГА IV. О философии коров, которая называется еще и Спуск в подземное царство ... 61

КНИГА V. О подлинной науке, которая еще называется критической ... 69

КНИГА VI. О трех сражениях, которая еще носит название очистительная ... 79

КНИГА VII. О перемирии, или Восхождение ... 89

Примечания ... 98

Примечания составителя ... 104
Перевод на русский: Н.А. Федоров

Примечания к вступительной статье ... 106
Перевод на русский: Н.А. Федоров

SUMMARIUM

E.S. Fedorova. De Michaele von Albrecht et lingua Latina hodierna in mundo hodierno 3

Nunc. Versio Latina: N.A. Fedorov 17

Michael von Albrecht. De simia Heidelbergensi 19

Praefatio 21

LIBER I. Cur simius factus sim qui et μαιευτικός 23

LIBER II. De Romae hodiernae mysteriis qui et ἀπορητικός 35

LIBER III. De Latinitate viva qui et ἐρωτικός 49

LIBER IV. De boum philosophia qui et κατάβασις 61

LIBER V. De vera scientia qui et κριτικός 69

LIBER VI. De tribus proeliis qui et καθαρτικός 79

LIBER VII. De pace qui et ἀναγωγικός 89

Appendix 99

Commentarii compositoris 104
Versio Rossica: N.A. Fedorov

Adnotationes ad praefationem. Versio Rossica: N.A. Fedorov 107

Учебное пособие

Михаэль фон Альбрехт

О ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ

Современная латынь

Редактор *Л.В. Кутукова*

Художественный редактор *Ю.М. Добрянская*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Корректор *Л.В. Кутукова*

Верстка *Е.Н. Берловой*

Подписано в печать 06.03.2013. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 5,16.
Тираж 300 экз. Изд. № 9927. Заказ № 0404

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7
Тел.: (495) 629-50-91. *Факс*: (495) 697-66-71
Тел.: (495) 939-33-23 (*отдел реализации*)

E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru
Сайт Издательства МГУ: www.msu.ru/depts/MSUPubl2005
Интернет-магазин: www.msupublishing.ru

Адрес отдела реализации:
Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ)
E-mail: izd-mgu@yandex.ru
Тел.: (495) 939-34-93

Типография МГУ.
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы,
д. 1, стр. 15.

КРУПНЕЙШИЙ ФИЛОЛОГ-КЛАССИК МИХАЭЛЬ ФОН АЛЬБРЕХТ, АВТОР «ИСТОРИИ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», ПРИНЯТОЙ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПРОГРАММАХ ВСЕХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АНТИКОВЕДОВ, ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБСТВЕННОЕ ОРИГИНАЛЬНОЕ СОЧИНЕНИЕ, НАПИСАННОЕ НА СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЫНИ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «О ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ОБЕЗЬЯНЕ» – ИННОВАЦИОННОЕ, ОТКРЫВАЕТ КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ ЛАТЫНИ И ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В КУРСЕ ФИЯИР «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»

МГУ

ISBN 978-5-211-06505-5

9 785211 065055